Филологические науки / Philological sciences

УДК 82 DOI: 10.69537/VKNIIRAN.GUMNAUKI.2026.18.3.002

ВАЛЕРИК – КИСТЬЮ И ПЕРОМ ЛЕРМОНТОВА

© Ибрагимов Канта Хамзатович (a, b)

(a) Комплексный научно-исследовательский институт им. Х.И. Ибрагимова Российской академии наук
(b) Академия наук Чеченской Республики

Аннотация. Статья посвящена анализу творчества М.Ю. Лермонтова в контексте его участия в Кавказской войне, в частности, в сражении при реке Валерик. Автор исследует, как опыт войны и характер чеченского народа отразились в поэзии и живописи Лермонтова, включая его стихотворение «Валерик» и акварели, созданные во время службы. Рассматривается оценка произведений поэта другими известными литераторами, такими как Д.С. Мережковский и В.С. Соловьев, которые подчеркивают уникальность «русского взгляда на войну» в творчестве Лермонтова. В работе используются архивные документы, воспоминания современников и критиков, что обогащает анализ литературных и художественных произведений М.Ю. Лермонтова.

Методология исследования включает в себя комплексный анализ литературных текстов и художественных произведений, а также применение историко-критических подходов. Автор использует архивные материалы, воспоминания современников и научные публикации, обеспечивая богатую контекстуальную основу для своего исследования. Такой подход позволяет не только подробно рассмотреть творчество Лермонтова, но и обогатить понимание исторических и культурных реалий, связанных с Кавказской войной.

Ключевые слова: Лермонтов, Валерик, Кавказская война, сражение, чеченцы, акварель, творчество, горец

VALERIK – THROUGH LERMONTOV'S BRUSH AND PEN

© Ibragimov Kanta Khamzatovich (a, b)

(a) CI RAS
(b) Academy of Sciences of the Chechen Republic

Abstract. The article is devoted to an analysis of M.Yu. Lermontov's creative work in the context of his participation in the Caucasian War, in particular, in the battle at the Valerik River. The author examines how the experience of war and the character of the Chechen people are reflected in Lermontov's poetry and painting, including his poem «Valerik» and the watercolours created during his service. The assessment of the poet's works by other well‑known writers, such as D.S. Merezhkovsky and V.S. Solovyov, is considered; they emphasize the uniqueness of the

«russian view of war» in Lermontov's work. The work uses archival documents, as well as the recollections of contemporaries and critics, which enriches the analysis of M. Yu. Lermontov's literary and artistic works.

The research methodology includes a comprehensive analysis of literary texts and works of art, as well as the application of historical‑critical approaches. The author uses archival materials, memoirs of contemporaries, and scholarly publications, providing a rich contextual foundation for their research. This approach allows not only to examine Lermontov's work in detail but also to enrich the understanding of the historical and cultural realities associated with the Caucasian War.

***Key words**:* Lermontov, Valerik, Caucasian War, battle, Chechens, watercolor, creativity, highlander

Генерал от инфантерии Филипсон Г.И. (1809-1883) в своих воспоминаниях писал: «Эти походы оставили русской литературе несколько блестящих страниц Лермонтова, но успеху общего дела не помогли, а были вредны коренным деятелям, офицерам постоянных войск, часто несших на своих плечах бремя этой беспощадной войны и большей частью остававшимся в тени» [7, с. 372].

Под «беспощадной войной» имеется ввиду Кавказская война, а «несколько блестящих страниц Лермонтова» – это поэзия и живопись, посвященная сражению при реке Валерик, в котором поэт непосредственно принимал участие.

«Валерик» – первое во всемирной литературе явление того особенного русского взгляда на войну, который так углубил Л. Толстой. Из этого горчичного зерна выросло исполинское дерево «Войны и мира» [26]. Так оценивал стихотворение Лермонтова «Валерик» («Я к вам пишу случайно, право...») великий русский писатель, мыслитель Мережковский Д.С. (1865-1941) в своей статье «Лермонтов. Поэт сверхчеловечества».

В самом названии статьи дана оценка личности Лермонтова как поэта. При этом, ни в этой статье, ни в иных публикациях Мережковский не раскрывает свой тезис: «В чем именно заключается «особый русский взгляд на войну»?

Ответ на этот вопрос, в свойственной только ему форме, дал нам в своих «блестящих страницах» Лермонтов, а мы попытаемся их еще раз прочитать и рассмотреть для выяснения сути творений.

Кавказская война, с разной степенью интенсивности, длилась около полувека, с 1817 по 1864 годы.

Это высказывание без каких-либо сомнений прочно вошло в научный оборот. На самом деле, в этом одном предложении две фундаментальные неточности. Во-первых, это временные рамки, ибо конфликты были и «до», и «после» обозначенных дат, а, во-вторых, это обобщающая формулировка конфликта – «Кавказская», словно царская Россия воевала со всеми народами, проживающими на Кавказе. Но, как известно, некоторые народы Кавказа «добровольно» вошли в состав Российской империи и к началу XIX века, практически, лишь на территории, где проживали в основном чеченцы, шли наиболее жестокие боестолкновения.

Исходя из вышеизложенного, возникают вопросы – почему и отчего, в отличие от некоторых соседних народов, именно чеченцы не вошли в состав России «добровольно»?

Вопрос очень сложный, многогранный, до сих пор актуальный и однозначного ответа на него нет до сих пор: все взаимосвязано, взаимозависимо, очень многое изменилось во всех сферах и во многих отношениях. Тем не менее, раз конфликты с некой периодичностью в данном регионе повторяются, значит есть, как ныне принято говорить, некие первопричины, которые мы попытаемся исследовать для нашего дальнейшего комфортного сосуществования.

Очевидно, что первопричины любого конфликта целесообразнее всего искать в первоисточниках, которые были составлены участниками Кавказкой войны.

К большому сожалению, до нас почти что не дошли свидетельства этого конфликта с чеченской стороны, может, не сохранились, может их вовсе и не было. Правда есть память, есть устный народный эпос, но это не наука, но в той или иной форме остались свидетельства с одной стороны, на которые мы, в основном, и будем ссылаться в этой работе.

За многолетний период Кавказской войны на территории, где проживали чеченцы, произошло очень много сражений различного масштаба и характера. Естественно, что многие из этих столкновений вовсе не описаны, и если даже описаны, то до сей поры недоступны, а те архивные документы, которые вышли в свет, несколько тенденциозны. И это не удивительно, ибо эти очевидцы – авторы «первоисточников» – находятся по одну сторону от линии столкновения.

Также надо учитывать, что анализируемые первоисточники были составлены офицерами царской армии, которые присягали государю-императору. Их судьбы, как и участь их родственников, зависели от воли царя, и поэтому, почти что все письменные источники подвергались жесткой цензуре и должны были служить лишь укреплению власти монархии.

Тем не менее, среди русского офицерства всегда были вольнодумцы и бунтари, взять хотя бы дворян-декабристов, с которыми Николай I расправился жестко. Однако русские офицеры, которые при Александре I разгромили Наполеона, победно прошли по всей Европе, вплоть до Парижа, вернулись в Россию, неся с собой заряд европейской культуры, что, естественно, сказалось на дальнейшем развитии российской культуры, в результате чего появилось такое понятие как «Золотой век русской литературы», одним из основоположников и ярким представителем которого и являлся Михаил Юрьевич Лермонтов. Анализу его произведений, посвященных сражению при Валерике, и нацелено данное исследование.

Лермонтов был сослан на Кавказ дважды: в 1837 году за стихотворение «На смерть поэта» и в 1840 году за дуэль с Э. де Барантом. И если первая ссылка, благодаря ходатайству бабушки Лермонтова, длилась всего девять месяцев и протекала вдали от боестолкновений, то во время второй ссылки поэт уже непосредственно принимал участие в карательных экспедициях и участвовал в крупном сражении на реке Валерик, которое он описал и пером, и кистью, благодаря чему это сражение оставило свой след в истории литературы и живописи, став одним из символов такого долговременного и масштабного события XIX века как Кавказская война.

«Валерик» – это не только название реки, это и одноименное название древнего поселения. В справочной литературе укоренилось мнение, что река Валерик в переводе с чеченского означает «река Смерти». Вместе с тем, следует отметить, что чеченское «велла»,

«велларг» – это не только «смерть». Есть и другой смысл – это «отданный» кто-то или что-то. Может быть, как жертва, жертвенность, обязанность. В любом случае, в этом названии исторически заложен некий глубокий, даже сакральный смысл.

Совсем недавно, в 2025 году, при археологических раскопках недалеко от селения Валерик было обнаружено уникальное захоронение, датируемое IV веком нашей эры, в котором были обнаружены многочисленные артефакты, указывающие, что в этом месте издревле бытовала культура с развитой металлургией.

Река Валерик небольшая. От места сражения, в котором участвовал Лермонтов, эта река через десяток километров впадает в реку Сунжа, и именно в этом месте находилась столица страны Алания – город Магас. В свою очередь, еще через пятьдесят километров Сунжа впадает в Терек, там, где по одной из версий, находилась столица Хазарского каганата – Самандар, который был разрушен во время похода киевского князя Святослава Игоревича в 968-969 годах, о чем более подробно можно ознакомиться в историческом произведении «Учитель истории» [15].

Позже, в первой половине XIII века, Северный Кавказ подвергся вторжению монгольских войск, что кардинально изменило ситуацию и этот регион стал частью Золотой Орды. А полтора столетия спустя, уже с юга, через Дербент, на Северный Кавказ вторгся Тимур и в 1395 году на том же Тереке между ханом Золотой Орды Тохтамышем и Тимуром произошло грандиозное сражение, которое длилось три дня и привело к поражению Тохтамыша и, как следствие, распаду государственного образования под названием Золотая Орда, после чего началось становление России.

Территория, где протекала река Валерик, недалеко от которой располагался, предположительно, средневековый город Магас и где сегодня проживают чеченцы, по приказу Хромого Тимура подверглась жесточайшему погрому, вплоть до того, что эмир приказал отравить все водные источники региона.

Хромой Тимур или Тамерлан отличался неслыханной жестокостью к тем, кто оказывал ему хотя бы небольшое сопротивление, а в бассейне реки Сунжа, на берегу которой стоял тогда город Магас, был убит старший сын Тимура Омар-шейх, который попытался унизить достоинство местных горцев.

События того периода описаны в историческом романе «Сказка Востока» [14], но здесь мы хотим акцентировать внимание на одном знаковом факте. В конце 1394 года Хромой Тимур захватил Тифлис и, прежде, чем двинуться на Северный Кавказ, ему нужна была информация – есть ли там корм для коней. Ведь армия Тимура –это триста тысяч воинов и у каждого по два коня – шестьсот тысяч голов, которым необходимо ежедневное пропитание, и поэтому Тимур собирает сведения о том крае и вот что сообщает ему некто Едигей, который позже, за заслуги, станет ханом Ногайской Орды: «Там, от моря до моря – земли черные, жирные, на них хлеба колышутся, словно золото. А стада там тучные, кони стройные, сивогривые. А люди богатые, свободолюбивые, красивые, мяса мало едят, больше мед, зелень, икру. В рабство продать – в двадцать раз дороже персов или кипчаков стоят. А какие там города – в роскоши и зелени утопают» [14, с. 101].

Эти исторические факты приведены для того, чтобы показать, что на территории, где тысячи лет назад, как и сегодня, проживали чеченцы, были крупные города, столицы государств – Самандар, Магас и другие, значит были богатства, культура, цивилизация, что во все времена служило соблазном для захватнических походов.

Понятно, что у каждого народа бывают свои периоды взлета и падений. Войны, эпидемии, изменения климата, землетрясения, извержение вулканов, иные катаклизмы порою кардинально меняют картину того или иного региона Земли, чего не избежал и Кавказ, в целом, и в частности, Чечня.

В тоже время, есть такое понятие как историческая память, которая влияет на стереотип поведения и отдельной личности, и группы людей. Именно историческая память на генетическом уровне влияет на основу поведения как отдельных личностей, так и целых обществ, наций и народов. И то, что вполне привычно для одних, оказывается крайне неприемлемо для других обществ и людей.

Видимо что-то в поведении чеченцев поразило Лермонтова и поэтому в его творчестве уделено конкретное внимание этому народу.

А что именно?

Постараемся ответить на этот вопрос по его реакции на непосредственное соприкосновение с чеченцами во время сражения при реке Валерик.

Известный русский философ Соловьев В.С. так охарактеризовал поэта: «Лермонтов человек, уже от рождения близкий к сверхчеловеку, получивший задатки для великого дела, способный, а, следовательно, обязанный его исполнить» [40, с. 270].

Так, еще очень молодой Лермонтов начнет писать на кавказскую тему поэму «Измаил-Бей», где он сделает безапелляционное заключение:

И дики тех ущелий племена,
Им бог – свобода, их закон – война.

В этой неоконченной поэме поэт, в целом, сочувствует горцам Кавказа, восхищается их свободолюбием, но, будучи гением, предчувствует как свою судьбу (стихотворение «Сон»), так и судьбу горцев и, поэтому, где-то, подражая Пушкину («Смирись, Кавказ»), он пишет:

Смирись, черкес! И запад, и восток
Быть может, скоро твой разделят рок.

И в этом Лермонтов провидец. И далее:

Настанет час – и скажешь сам надменно:
Пускай я раб, но раб царя вселенной!

Разве это не гениальное предвидение?!… Лучше него никто не сказал и не скажет – как он метко определил, что те, кто станет на колени, кто присягнет «царю вселенной», кто отдаст своих детей в аманатство, а сам превратится в прислугу, но он будет надменен, он будет смотреть свысока, хоть он и раб, но не простой раб, а раб, который получил надел отобранной у своих же братьев-горцев земли, получил чин, лычки, пенсию и право пинать своих же, близких… Но, все равно – он раб!

Напомним, что работать над поэмой «Измаил-Бей» Лермонтов начал, когда ему было всего восемнадцать лет, а через шесть лет, уже в 1837 году, за стихотворение «Смерть поэта» он будет отправлен в ссылку на Кавказ.

В ту поездку Лермонтов не принимал участия в боестолкновениях, зато постоянно был в пути и объездил почти весь Кавказ, даже побывал в Чечне, а также в притеречной станице Шелкозаводской, у родственников Хастатовых.

Это путешествие оказало колоссальное воздействие на творчество поэта, и по мнению одного из первых лермонтоведов Висковатого П.А., после ссылки начинается «самый зрелый период в литературной деятельности поэта» [6, с. 128] и вершиной творчества этого периода считается «Казачья колыбельная песня».

Так, в конце декабря 1838 года бабушка поэта Арсеньева Е.А. пишет Верещагиной-Хюгель А.М.: «Посылаю Вам для новорожденной дитяти баюшкину песню, отгадать не трудно, чье сочинение. Казачья колыбельная песня (следует полный текст)… Вы знаете, как Миша ленив, а мне уж самой захотелось послать вам его стихи» [8].

Гениальный поэт в стихотворении «Казачья колыбельная песня» поведал нам многое:

Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.
Тихо смотрит месяц ясный
В колыбель твою.
Стану сказывать я сказки,
Песенку спою;
Ты же дремли, закрывши глазки
Баюшки-баю.

По камням струится Терек,
Плещет мутный вал;
Злой чечен ползет на берег,
Точит свой кинжал;
Но отец твой старый воин,
Закален в бою:
Спи, малютка, будь спокоен,
Баюшки-баю.

Сам узнаешь, будет время,
Бранное житье;
Смело вденешь ногу в стремя
И возьмешь ружье.
Я седельце боевое
Шелком разошью...
Спи, дитя мое родное,
Баюшки-баю.

Богатырь ты будешь с виду

И казак душой.
Провожать тебя я выйду –
Ты махнешь рукой...
Сколько горьких слез украдкой
Я в ту ночь пролью!..
Спи, мой ангел, тихо, сладко,
Баюшки-баю.

Стану я тоской томиться,
Безутешно ждать;
Стану целый день молиться,
По ночам гадать;
Стану думать, что скучаешь
Ты в чужом краю...
Спи ж, пока забот не знаешь,
Баюшки-баю.

Дам тебе я на дорогу
Образок святой:
Ты его, моляся богу,
Ставь перед собой;
Да, готовясь в бой опасный,
Помни мать свою...
Спи, младенец мой прекрасный,
Баюшки-баю.

Мережковский свою статью о Лермонтове начинает с такого парадоксального вывода: «Стихи его для нас, как заученные с детства молитвы. Мы до того привыкли к ним, что уже почти не понимаем. Слова действуют помимо смысла» [26].

Это видимо так, и если другие крупные произведения, скажем, такие как «Демон», «Мцыри» или «Герой нашего времени» подвергались всесторонней критике и анализу, то «Казачья колыбельная песня», которую нужно воспринимать таким же образом «как молитва», как установка на жизнь, программа или алгоритм действий и определений, такого анализа еще не удостоилась.

Это стихотворение Лермонтова входит в школьную программу, как «одно из самых лучших и глубоких произведений классика русской и мировой литературы, как образец лирики, патриотизма, любви к родине и очагу, передающей любовь матери и историю народа. На уроках в школе разбирается как образец высокохудожественного изображения материнской любви и лингвокультурологический текст (изучение слов, связанных с культурой народа)» [24].

Последний абзац взят из учебно-методического пособия для учителей русского языка и литературы 6-7 классов общеобразовательной школы. И там же даны рекомендации, что желательно изучение данного произведения наизусть. Также, раз ряд

композиторов положили «Колыбельную» на музыку, то на факультативных занятиях исполнять хором всем классом.

Таким образом, если в учебно-методическом пособии для учителей по литературе рекомендовано это произведение «разбирать как образец», то мы повнимательнее подойдем к этой «Колыбельной» и посмотрим, кого она «убаюкивает».

Начало стиха – это полная идиллия семейной, материнской жизни – ночь, луна, колыбель, в ней прекрасный младенец и мать ему сказывает сказку, песенку поет. Здесь сразу же вспоминаются строки А.С. Пушкина: «Сказка – ложь, да в ней намек, добрым молодцам урок».

И каков же этот урок?

Оказывается, рядом течет мутный Терек, и там: «Злой чечен ползет на берег, точит свой кинжал».

В ранее приведенном отрывке учебно-методического указания было словосочетание «лингвокультурологический текст» и, следуя этому указанию, попытаемся разобрать закрепившийся в обиходе фразеологизм «злой чечен».

Здесь на помощь нам придут, помимо прочего, такие науки, как логика и психология, по законам которых, если «чечен лезет на берег и точит свой кинжал» с целью грабежа, то есть для своего обогащения, то он должен быть осторожным, коварным, расчетливым, но никак не злым, ибо злость притупляет и даже обнуляет все вышеперечисленные качества грабителя.

Если нападающий «злой», то он находится под воздействием чувства мщения, он хочет нанести ответный удар. Но мать успокаивает и своего младенца, и себя: «Отец – «старый воин, закален в бою». Значит, все это не впервой, и «злого чечена» бояться не надо.

На это место в стихотворении необходимо обратить особое внимание.

Лермонтов – гениальный поэт, а его «Казачья колыбельная песня» – это законченное литературное произведение. И если в нем автор упомянул «чечена», как одного из действующих лиц и более к нему не возвращается, то значит, что этот «чечен», по сути, теряет свою субъектность, и это может выражаться в различной форме – от покорности до ликвидации…

В любом случае, по содержанию «Колыбельной» участь «злого чечена» предрешена, ибо отец ребенка – априори победитель, более того, и младенец должен стать таким же, как и отец, и мать сама будет готовить сына к тому же «бранному житью», ибо ее сын будет «богатырь – с виду» и «казак – душой».

Богатырь и казак – сила и свобода – тюрского происхождения и можно было бы предположить, что с монгольского нашествия сохранилась эта тенденция приходить с севера на Терек и Кавказ. Однако, как мы ранее отмечали, еще в X веке, задолго до походов потомков Чингисхана и Хромого Тимура, русы приходили на Терек и грабили местные города, тот же Самандар – столицу Хазарского каганата…

Однако, вернемся к тексту «Казачьей колыбельной песни», к финалу, где мать предсказывает и настраивает своего сына к походу «в чужом краю».

А что ее сын будет делать «в чужом краю»?

Ответ уже определен, ибо она «седельце сына боевое шелком разошью…». И «готовясь в бой опасный, помни мать свою…».

«Колыбельная» из уст матери – это не просто наставление, это как программа действий на всю жизнь, и вот в тот же период, когда было написано это стихотворение, Лермонтов (конец 1839 года, ему уже 26 лет) пишет письмо из Петербурга в Москву М.А. Лопухиной, где помимо прочего он сообщает: «Я был в моде, меня разрывали на части… Тем не менее я скучаю. Просился на Кавказ – отказали. Не хотят даже, чтобы меня убили» [12, с. 388].

В конце 1839 года «Казачья колыбельная песня» будет опубликована и вызовет восторг у столичной публики. Так, самый известный литературный критик Белинский В.Г. в письме Боткину В.П. от 9 февраля 1840 года пишет: «Во 2 номере «Отечественных записок» ты прочтешь его «Колыбельную песню казачки – чудо!» [12, с. 393-398].

В середине февраля 1840 года состоится дуэль Лермонтова с де Барантом, после которой поэт во второй раз будет сослан на Кавказ, на сей раз в действующую армию, в Чечню.

Как свидетельствуют архивные документы, 18 июня 1840 года Лермонтов командирован в отряд под командованием генерал-лейтенанта Галафеева.

Уже 6 июля: «Отряд в составе двух батальонов пехотного Его Светлости, одного батальона Мингрельского и 3-х батальонов Куринского егерского полков, двух рот саперов при 8-ми легких и 6-ти горных орудий, двух полков Донских казаков № 37 и № 39-го и сотни Моздокского линейного казачьего полка, с 10-дневным провиантом и с полным комплектом запасных артиллерийских снарядов, выступив из лагеря при крепости Грозной, переправился с рассветом по мосту через Сунжу и взял направление через ущелье Хан-Калу на деревню Большой Чечень.

7 июля 1840. Лермонтов вместе с отрядом после ночевки в Дубу-Юрте через Большую Атагу выступил в Чах-Гери.

8 июля 1840. Отряд выступил из Чах-Гери к Гойтинскому лесу. Ночлег в лагере у Урус-Мартан.

9 июля 1840. Уничтожение селения Урус-Мартан.

10 июля 1840. Сожжение селений Чурин-Рошни, Пешхой-Рошни, Хажи-Рошни и уничтожение принадлежащих им посевов.

11 июля 1840. Бой при реке Валерик».

В отряде находился Лермонтов [12, с. 399].

А вот краткие выписки из Чернового журнала военных действий отряда на левом фланге Кавказской линии под начальством генерал-лейтенанта Галафеева от 11-го июля, 1840 г.:

«…В строгом порядке войска вступили в Гехинский лес, …чеченцы с исступлением выскочили было из него, но, встреченные картечью из двух орудий, заранее для сего приготовленных, они скрылись снова в лесу…

Река Валерик протекала по самой опушке леса. Подойдя к этому месту на картечный выстрел, артиллерия открыла огонь. Ни одного выстрела не сделано с неприятельской стороны… В лесу они сошлись с чеченцами лицом к лицу, огонь умолк на время, губительное холодное оружие заменило его. Кинжал и шашка уступили штыку, фанатическое исступление отчаянных мюридов не устояло против хладнокровной храбрости русского солдата: численная сила разбросанной толпы должна была уступать

нравственной силе стройных войск, и чеченцы выбежали на поляну р. Валерик, откуда картечь орудий снова вогнала их в лес…

В лесу раздавались частые выстрелы, но это уже не был бой, а походило более на травлю диких зверей, … и чеченцы в миг были подняты на штыки».

И вот как бы итог этого сражения: «Должно отдать также справедливость чеченцам: они исполнили все, чтобы сделать успех наш сомнительным, …но русские солдаты были те самые герои, которые не раз уже проходили по скалам Кавказа, эти солдаты были ведомы теми же офицерами, которые всегда подавали им благородный пример редкого самоотвержения, и чеченцы, невзирая на свое отчаянное сопротивление, были разбиты. Они в сем деле оставили на месте боя до 150 тел и множество оружия всякого рода. Потеря с нашей стороны в этот день состояла из убитых 6-ти обер-офицеров, 65 нижних чинов; раненых: двух штаб-офицеров, 15 обер-офицеров и 198 нижних чинов; контуженных: 4 обер-офицеров и 46 нижних чинов; без вести пропавших: одного обер-офицера и 7 чел<овек> нижних чинов; 29 убитых и 42 раненых лошадей» [12, с. 399].

Как видно, отчет генерала подробный, даже раненых лошадей посчитали.

К этому сражению царская армия готовилась основательно, ибо оно для истории неизвестным художником было перенесено на холст (Рис. 1).

Судя по литографии, художник – профессиональный, у которого композиция построена по академической схеме батальных сцен, где в центре – бравый бесстрашный генерал на белом коне и все, как и должно быть, во славу русского оружия. Здесь противников царской армии – чеченцев – почти что и не видно: лишь справа масса мелковатых тел. Кстати, в вышеупомянутом «Черновом журнале» генерал-лейтенанта Галафеева есть интересная запись: «Тут я узнал от взятой в плен женщины, что чеченцы имели полную надежду воспрепятствовать переходу отряда через р. Валерик и что поэтому еще многие семейства находились до самого появления наших войск на полевых работах» [12, с. 399]. Середина лета, страда, сенокос. Мирные люди, пусть и чеченцы, находились просто на полевых работах, чтобы как-то прокормить детей, стариков, чтобы выжить.

Рис. 1. Сражение при Валерике 11 июля 1840 года

Литография XIX века

Неизвестный художник

Это фотографическое изображение взято из книги о Кавказе (Рис. 2), написанной немецкими учеными, которые в конце XIX века исследовали Кавказский регион, в результате чего в 1901 году в Лейпциге было издано уникальное двухтомное сочинение [42, с. 113].

Понятно, что женщина-чеченка на фото из немецкого издания не та чеченка, взятая в плен, что находилась на полевых работах летом 1840 года, о которой сообщает в своем дневнике русский генерал Галафеев. Однако, даже по этому изображению можно представить против кого воевала регулярная царская армия.

Рис. 2. Чеченская женщина. Фотографическое изображение XIX века.

В целом, вид удручающий. Босоногая. Одинокая. Очевидно, что грудного ребенка не с кем было оставить – за спиной люлька… Скорбный вид у чеченки, но не сломленный. Спина ровная. И как она сжимает короткую тяпку. Какой у нее большой, мощный, вовсе не женский кулак – не ухоженная рука, работящая… Почему-то в этот момент, раз речь зашла о женщине, вспоминается то самое стихотворение Лермонтова «Валерик», где дается описание женщины, которая находится в столице воюющей с горцами страны:

Но я боюся вам наскучить,
В забавах света вам смешны
Тревоги дикие войны:
Свой ум вы не привыкли мучить
Тяжелой думой о конце;
На вашем молодом лице
Следов заботы и печали

Не отыскать….

В принципе, для обитателей столичного высшего общества поручик Лермонтов, как и генерал Галафеев и их сослуживцы, – молодцы, настоящие воины и герои, и, поэтому, их любимые женщины «в забавах света».

А чеченская женщина, что на фото?! Одно утешение – ее кукурузное поле ухожено, прополото, ни одного сорняка между ровными рядами не видно. И понятно, что здесь климат и земля щедрые, и урожай, судя по всему, будет отличный, если…

А почему рядом с этой молодой, еще кормящей матерью нет ее мужа? Может, как определил тот же Лермонтов – ее муж – злой чечен, ползет на берег, точит свой кинжал?! А может он уже погиб в сражении при реке Валерик или у иной реки?

А еще возникает вопрос: «А был ли у чеченцев, у горцев, у кавказцев, в то время поэт, сказатель, мыслитель, который бы и для ребенка, что в люльке чеченской женщины на фото, сочинил бы, как Лермонтов, чеченскую колыбельную песню?»

Понятно, что у каждой матери была и есть своя колыбельная песня. И недаром великие русские мыслители называли Лермонтова и гением, и даже сверхчеловеком, ибо он знал текст колыбельной песни кавказской горянки:

Там в колыбели песни матерей
Пугают русским именем детей…[22].

Какой диссонанс колыбельных песен казачки и горянки, какой контраст в алгоритме действий на жизнь закладывается в сознание младенца – богатыря-казака, готовящемуся к «опасному бою в чужом краю» и горца-джигита – защитника очага?!

Этому промежуточному выводу можно было бы как-то возразить, либо списать на творческо-художественную фантазию гения Лермонтова. Однако, выше мы привели отзыв великого критика Белинского на «Казачью колыбельную песню» – чудо!

Это вывод столичного интеллектуала, тоже далекого от «тревог войны», да и время тогда было такое. А вот процитированное ранее письмо бабушки Лермонтова Арсеньевой. Она тоже восторгается, отсылает «Колыбельную» в Европу, а не говорит внуку: «Как может мать наставлять, готовить сына на «опасный бой в чужом краю», фактически – на набег, на захват?»

Впрочем, когда Лермонтова отправят в ссылку на Кавказ, та же бабушка будет всеми путями ходатайствовать перед государем-императором о возвращении своего внука домой.

…Здесь мы несколько забежали вперед, а возвращаясь к нашей теме и к Лермонтову середины и второй половины 1840 года, когда он в разной творческой форме описывал сражение при Валерике, мы еще раз можем подтвердить незаурядность его личности; чего стоит утверждение, что «в колыбели песни матерей, пугают русским именем детей»?

Именно этим словам Лермонтова есть документальное подтверждение. Так генерал русской армии Потто В.А. записал чеченское сказание-илли:

– В леса беги, моя семья!
Беги жена, бегите дети!
А здесь один останусь я,

Нам русский враг готовит сети.
Ермолов рать свою ведет,
Но он в лесу вас не найдет.
– К чему же ты их станешь ждать?
Беги скорей, беги ты с нами!
Опасней грома русских рать –
Они убьют тебя штыками.
Тебя отвага не спасет,
Когда Ермолов их ведет.
– Спасенья нет родному краю…
Бегите, – близок уж рассвет,
Меня убьют, я это знаю,
Ермолову преграды нет.
Но я никак своим врагам
Без боя саклю не отдам [30, с.117-118].

«Илли» – национальный героический эпос и, как известно, по характеру этого жанра весь смысл, вся суть этого народного творчества, этого произведения, а значит идея – в финале повествования, где мужчина – хозяин-чеченец, безапелляционно заявляет: «Но я никак своим врагам без боя саклю не отдам».

Он не убегает вместе с семьей в лес, он не желает скрываться от врага; он не собирается сдаться в плен или договориться с врагом об услужении, получив статус не «злой», а «мирный» – он готов сражаться, хотя силы, безусловно, не равны.

В чем здесь смысл?

Почему чеченец ради выживания, ради своего будущего и будущего своей семьи не ищет какого-либо компромисса, приспособления или просто спасения?

Это вопрос глубинный, как сейчас принято говорить – экзистенциальный. К сожалению, как ранее было отмечено, нет чеченских письменных источников, чтобы найти ответ на поставленный нами вопрос. Однако в рядах тех, кто воевал с чеченцами, были те, кто оставил свои свидетельства, в их числе и классики русской литературы, к помощи которых мы обращаемся.

Так, Лермонтов по поводу сражения при Валерике напишет своему другу Лопухину А.А. (Пятигорск, сентябрь, 1840): «У нас были каждый день дела, и одно довольно жаркое, 6 часов кряду. Нас было всего 2000 пехоты, а их до 6 тысяч, и все время дрались штыками. У нас убыло 30 офицеров и 300 рядовых, а их 600 тел осталось на месте – кажется хорошо! – вообрази себе, что в овраге, где была пехота, час после дела еще пахло кровью. Когда мы увидимся, я тебе расскажу подробности очень интересные» [21, с. 84]

В следующем письме ему же (Лопухину А.А., крепость Грозная, октябрь 1840 г.): «Я получил наследство от Дорохова, которого ранили, отборную команду охотников, изо ста казаков – разный сброд, волонтеры, татары и проч., это нечто партизанского отряда, …а описывать экспедиции не велят. Ты видишь, как я покорен законам» [21, с. 84].

Лермонтов покорен законам и боится в письмах писать, как есть, ибо в России вся переписка подвергается тотальной цензуре и доверие могло быть только к очень близким

людям, иначе могли донести до властей и тогда последует жесткое наказание, под которым поэт, кстати, в то время и находился, и поэтому он был так осторожен.

Под таким же и даже более жестким наказанием на Кавказе находился и другой русский писатель Бестужев-Марлинский, который был в ссылке за участие в восстании декабристов, и, конечно же, его письмо родным брату и сестре, очевидно, отправленное не через почту, а нарочным, с кем-то из близко знакомых, сохранилось в архиве, и вот что он пишет после очередного похода на Кавказе, когда русская армия ночью внезапно окружает город, затем следует штурм и захват: «Завладев высотами, мы кинулись в город, ворвались туда через засеки, прошли его насквозь, преследуя бегущих, и, наконец, верст пять далее вступили в дело с лазами, сбили их с горы, и пошла рукопашная. Я был ужасно утомлен усилиями карабкаться по каменистой крутой горе, пересеченной оврагами, в полной амуниции и в шинели. Но вся добыча, которую я себе позволил, состояла в кисти винограда и в турецком молитвеннике: хозяин заплатил за это жизнью. Возвращаясь по полю, усеянному мертвыми телами, разумеется, обнаженными, и видя иных еще дышащими, с запекшеюся кровью на устах и лице, видя всюду грабеж, насилие, пожар – словом, все ужасы, сопровождающие приступ и битву, я удивлялся, не чувствуя в себе содрогания; казалось, как будто я вырос в этом, как будто это должно было так быть: как скоро привыкает человек к этим картинам! Сознание, что ты не в состоянии ни помочь, ни отвратить, делает тебя почти равнодушным. Ввечеру зрелище было ужасно великолепно. Город пылал, и кровавое зарево отражалось на купах утесов, на высоких тополях и гремучих струях Чароха. Невнятный гул раздавался в середине города, отданного на разграбление; песни и выстрелы из взятых ружей раздавались в стане. Солдаты, сгибаясь под ношею, тащили всякую всячину: меняли, продавали; золоченые рамы, пестрые шкафы трещали в кострах бивачных, на которых жарили, варили и пекли с маслом и медом. Радость и веселье одушевляли всех. Я сел на коня и поехал посмотреть Байбурт. Он походил на печь: огонь и дым стлался поверху; по улицам бродили толпы солдат, доискивая остатков, ломая все, что ломается, разбивая об угол даже глиняные горшки. Дома, большею частью с навешенным этажом, рухали вдруг всею массою. Несколько армянских семейств глядели на пожар издали и плакали тихо. Там рыдала турчанка-старуха над телом сына... Там... Но я опускаю завесу… – это необходимое следствие войны» [18, л. 103-104)].

Мы тоже не будем пока поднимать этот «занавес», но по поводу последнего предложения, что «это необходимое следствие войны», у нас есть сомнения, ибо в истории мировых войн есть много противоположных фактов, к тому же, навечно запечатленных. Пример тому – известная картина Диего Веласкеса «Сдача Бреды» (Музей «Прадо», Мадрид) (Рис.3).

Как значимое произведение искусства, эта картина, написанная четыре века назад, сыграло колоссальное значение в дальнейшей судьбе Европы, да и всего мира.

Картина «Сдача Бреды» отображает исторический момент, когда после годичной осады губернатор голландского города Бреды Юстин Нассаусский передает ключи от города главнокомандующему испанских войск Амброзио Спиноле.

На полотне мы видим, что несмотря на годичное противостояние, победитель Спинола проявляет доброту и уважение к сдавшемуся противнику. При этом, испанским воинам – мы видим многочисленные их копья, направленные вверх – запрещено будет причинять какой-либо вред жителям Бреды, да и всем голландцам.

Эта картина висела во дворце короля Испании, пока ее не передали в главный музей страны. Она служила примером гуманизма даже по отношению к врагу.

Конечно художник Веласкес, который увековечил джентльменские отношения благородных людей средневековья, не оградил будущее Европы от кровопролитных войн (чего только стоят две мировые войны XX века), но тем не менее, высоконравственный жест и поступок адмирала Амброзио Спинолы на века вперед определил общий вектор европейского гуманистического развития в разных сферах жизни общества.

Именно поэтому, как два века назад во времена Пушкина и Лермонтова, многие обеспеченные россияне едут сегодня в Европу жить, отдыхать…

Хотя Лермонтов и сказал, что Россия – «страна рабов, страна господ», на самом деле в России по-настоящему был только один господин – император. Лишь по его личному распоряжению кто-либо мог выехать в Европу, а Лермонтова сослали на Кавказ, где он в боях с чеченцами должен был заработать себе уважение и расположение хозяина России.

Известно, что за участие в сражении на реке Валерик, в числе иных офицеров и поручик М.Ю Лермонтов был представлен к награде.

Так, в рапорте генерала Галафеева с приложением наградного списка, в частности, отмечено: «Поручик Лермонтов везде первым подвергался выстрелам хищников и во всех делах оказывал самоотвержение и распорядительность выше всякой похвалы, бросился с горстью людей на превосходящего числом неприятеля и поражал неоднократно собственной рукой хищников» [12, с. 499].

Рис. 3. «Сдача Бреды»

Диего Веласкес, музей «Прадо», Испания

Напомним, что это выдержка из рапорта генерала Галафеева. А вот кого называл «хищниками» сам Лермонтов в поэме «Измаил-Бей»:

Как хищный зверь, в смиренную обитель,
Врывается штыками победитель.

По поводу этих противоречий известный ученый революционер Ислам Карачайлы-Хубиев (1896-1938) писал в 1923 году: «Лермонтов не только великий поэт, но и великая загадка…Судя по тем литературным памятникам, какие он после себя оставил, он был враг угнетения, но сам был орудием гнета, служил – правда, не пером, а своей гусарской саблей – делу угнетения, принадлежал к лагерю угнетателей» [19].

Император Николай I в наградном списке за сражение при реке Валерик напротив фамилии Лермонтова поставил «прочерк», а адъютант сделал примечание: «Высочайшего соизволения не последовало» [12, с. 533].

Позже Лермонтов напишет в письме другу: «У меня началась новая драма, которой завязка очень замечательная, зато развязка, вероятно, не будет, ибо 9-го марта отсюда уезжаю заслуживать себе на Кавказе отставку; из Валерикского представления меня вычеркнули, так что даже не буду иметь утешение носить красной ленточки, когда надену штатный сюртук» [21, с. 84].

Это письмо написано в феврале 1841 года, когда поэт получил отпуск, приехал в столицу, но по указу властей он должен был срочно выехать обратно на Кавказ. Видимо, многочисленные цензоры или надзиратели доложили наверх, что Лермонтов написал в стихотворении «Валерик»:

Уже затихло все; тела
Стащили в кучу; кровь текла
Струею дымкой по каменьям,
Ее тяжелым испарением
Был полон воздух.

Этому содержанию соответствует акварельный рисунок Лермонтова 1840 года «При Валерике. Похороны убитых», к которому мы обратимся позже. А вот концовка произведения «Валерик», вроде бы, любовное послание, и в ней такие строки-итог:

Окрестный лес, как бы в тумане,
Синел в дыму пороховом,
А там вдали грядой нестройной,
Но вечно гордой и спокойной,
Тянулись горы – и Казбек

Сверкал главой остроконечной,
И с грустью тайной и сердечной
Я думал: жалкий человек,
Чего он хочет!... Небо ясно,
Под небом места много всем,
Но беспрестанно и напрасно
Один враждует он – зачем?

Многие исследователи-лермонтоведы утверждали, что под «жалким человеком», который «беспрестанно один враждует», имеется в виду никто иной как император России Николай I.

На самом деле, это упрощение ситуации, и Лермонтов, как автор послания, пытается отстраниться от всего, мол, он лишь исполняет приказ Николая I. Но дело не только в Николае I, как в императоре, а в имперских амбициях российской элиты и того же Лермонтова, который, к примеру, в поэме «Черкесы» писал:

Черкесы побежденны мчатся
Преследуемы толпой
Сынов неустрашимых Дона,
Которых Рейн, Лоар и Рона,
Видали на своих брегах,
Несут за ними смерть и страх…
И редко чуть блеснет булат
Заржавый от крови в сраженьи.
Иль крикнет вдруг в уединенье
Близ стана русский часовой
Везде господствует покой.

Лишний раз комментировать позицию поэта кажется нет необходимости. И если в стихотворении «Валерик», в неком любовном послании, Лермонтов отстраняется от причастности к событиям, мол, «любовался …как на трагический балет,…каких у вас на сцене нет». И в тоже время в письме другу он гордится, что участвовал в сражении и даже был некоторое время командиром «партизанского», то есть карательного отряда. И, конечно же, поэт, как он сам об этом сообщает в письмах, о воинских достижениях особо не распространяется, ибо «описывать экспедиции не велят,… а он покорен законам», но по архивным источникам известно, что экспедиция под командованием генерала Галафеева летом 1840 года вышла из крепости Грозная , разгромила и уничтожила селения Большая Атага, Дуба-Юрт, Гойты, Урус-Мартан. Полностью сожжены селения Чурин-Рошни, Пешхой-Рошни, Хажи-Рошни, Гехи. Позже будет атаковано село Ачхой-Мартан. А до этого был бой при реке Валерик [12, с. 490].

Официальный рапорт сражения при Валерике пока что не обнаружен. Тем не менее, последствия экспедиции Галафеева в 1840 году можно представить, ознакомившись с рапортом полковника Пулло за четыре года до этого, в 1836 году, на той же территории.

Это рапорт командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала Г.В. Розена военному министру генералу А.И. Чернышеву:

«5 ноября 1836 г. – Из рапорта командующего Отдельным Кавказским корпусом генерала от инфантерии Г.В. Розена военному министру генералу от инфантерии А.И. Чернышеву №1189 г. Тифлис.

Командующий Сунженскою линиею полковник Пулло решился предпринять движение в Чечню, дабы отвлечь жителей от их намерений необходимостью собственной защиты. Собрав для сего отряд из 2 батальонов егерей, 275 казаков, 2 легких и 5 конных орудий, 16 октября поутру выступил из крепости Грозной и, дойдя до аула Шавдон-Юрта, остановился лагерем и простоял на месте два дня с тою целью, чтобы чеченцы, находясь в неизвестности о направлении отряда, разошлись по своим жилищам. Между тем штаб-офицер сей для облегчение на будущее время движения войск наших в Чечню предпринял прорубить лес по Ханкалинскому ущелью и так называемый Гойтинский, употребив для сего 900 Надтеречных чеченцев и 500 чел. из отряда. Работа в ущелье по 19-е число продолжалась спокойно; но Гойтинский почти непроходимый лес, составляющий главную в сем месте защиту чеченцев, занят был толпами их, сделавшими в разных местах завалы. Придвинувшись к сему лесу, полковник Пулло устроил батарею и, обстреляв из оной картечью опушку леса, послал 200 егерей для занятия оной. Скрывшиеся в завалах чеченцы встретили их залпом из ружей и 5 чел. ранили; но егеря, поддержанные резервами, смело бросились в штыки на завалы, положили на месте 7 чеченцев и 6 захватили в плен, причем убито у нас 2 рядовых и ранены 1 офицер и 3 рядовых. Устрашенные сим смелым действием, чеченцы очистили лес и, удаляясь в свои аулы, приготовились к защите их. Полковник Пулло, заняв стрелками и казаками лес, беспрепятственно занимался проложением в оном безопасной для выстрелов дороги. По окончании работ, когда отряд пред вечером 20 октября начал отступление, вдруг собрались толпы неприятеля, завязали перестрелку и покушались делать натиски на арьергард, но всякий раз были останавливаемы огнем артиллерии; наконец за мирным аулом Акшипатой-Гойты вовсе удалились. При отступлении у нас ранены 1 офицер и 3 рядовых. Остановясь на ночлег близ дер. Акшипатой-Гойты, полковник Пулло послал в аул Зузин-хутор, прилежащий к мирным деревням, с требованием от него покорности, но жители оного отвергнули это предложение. Решившись наказать их за это, полковник Пулло, дабы усыпить внимание их и дать им время собраться в свои жилища, возвратился в крепость Грозную и, оставшись там целые сутки, 22-го числа в 9 час. вечера выступил с 2 батальонами пехоты, 175 казаками и 5 орудиями и за час до рассвета подойдя к самому аулу и оставив в резерве батальон пехоты, казаков и одно орудие, с остальными войсками в глубокой тишине двинулся и внезапно овладел аулом, в котором захватили в плен 32 души обоего пола. К полудню 23-го числа отряд возвратился в крепость Грозную...» [36, Л. 92-94].

Более подробно эту экспедицию сам полковник Пулло А.П. описал в рапорте № 143 от 24 октября 1836 г. на имя начальника штаба войск Кавказской линии и в Черномории генерал-майора Петрова [36, Л.99-102].

В приложении к рапорту дан список пленных, захваченных в бою 19 октября 1836 г. в Гойтинском лесу и при нападении на Зузин-хутор 23 октября 1836 года: 19 мужчин от 1 года до 50 лет, столько же лиц женского пола от младенцев до 25 лет [36, Л. 103-103 об]. По теме Кавказской войны XIX века написано немало трудов, чего только стоят воспоминания, письма или художественные произведения русских писателей-офицеров и некоторые из них, к примеру Пушкин, Лермонотов, Бестужев-Марлинский, Мордовцев, Толстой и даже француз Ксавье де Местр, служивший в русской армии, напишут о русских солдатах и офицерах, попавших в плен к горцам Кавказа. Однако, не перечисленные выше писатели и никто более не напишет, каковой была судьба тех чеченских, и не только чеченских, а вообще кавказских женщин, девушек, детей, которых взяли в плен царские войска. Конечно, есть поэма Лермонтова «Мцыри», где прототипом главного героя выступает Петр Захаров, взятый в плен А.П. Ермоловым при разгроме чеченского селения Дади-Юрт в 1819 году. А сколько еще детей попало в плен, и каковы их судьбы, особенно девочек?

Этот вопрос никто не задавал и не задает. А раз упомянули Петра Захарова, то надо отметить, что по «Свидетельству № 3610», выписанного 23 августа 1823 года в городе Тифлис генералом А.П. Ермоловым – командиром Отдельного Кавказского корпуса «при истреблении прошлого 1819 года сентября 15-го дня селения Дадай-Юрт и 3 марта 1822 года в Кабдаре деревни Кахети взяты в плен два мальчика, наименованные при крещении первый из чеченцев Петр, а последний из лезгин Павел Захаровы, отданы мною на воспитание генерал-майору П.Н. Ермолову» [32, Л. 1].

Судьба Петра Захарова известна, ибо он стал большим художником-академиком. Именно благодаря Петру известна и судьба лезгина Павла Захарова, который, по свидетельству дочери П.Н. Ермолова Ольги Петровны: «Он (Павел) оказался не способным. Отправили его солдатом на Кавказ. Погиб в Грозной» [28]. А вот другой пример. В Российском Государственном архиве древних актов (РГАДА) обнаружено Свидетельство № 139, где указано: «Дано сие от Штаба Кавказского отдельного корпуса, Господину Генералу и Кавалеру Алексею Петровичу Ермолову в том, что из числа пленных Нагайцев, выведенных из Закубани в 1824 году, бывшим начальником сего Штаба, Генерал-Майором Вельяминовым 3. отданы на воспитание…, мальчики родные братья Таштамир и Алтамир Тустовы, по крещении названные: первый имеющий 11 Петром и второй 10 лет от роду Павлом Сергеевыми сыновьями по прозванию Масловыми, коих на основании Высочайших указов 1741 года Октября 6, и 1808 Май 23 дня, следует держать у себя до двадцати пяти летнего возраста, а по достижении оного предоставляется Масловым избрать род жизни. Если же прежде означенного возраста Мальчики те потребуются навымень, то Его Высокопревосходительство обязан предоставить немедленно. – г. Тифлис, Апрель 23 дня 1827 года.

Исполняющий должность начальника корпусного штаба Генерал-лейтенант…» [33, Л.1]. Последний документ содержит важную информацию. Так, в данном «Свидетельстве» упоминаются два указа императоров России. Первый указ императрицы Елизаветы Петровны от 6 октября 1741 года называется «О жидах». Текст очень краток… Второй указ (1808 г.) императора Александра I «О кыргызах». Этот документ по содержанию более гуманен и конкретен – Российская империя расширяется, бесконечно ведет войны, и ей нужны люди – для труда, для войн, для обслуги, на вымен, да мало ли еще для чего…[13]. Здесь следует отметить, что со временем , как когда-то «жидам», а потом и «кыргызам», так и горцам Кавказа будет оказано некое внимание, однако это внимание уже будет не на уровне царя – Россия уже совсем иная, и Кавказ иной, почти покорен и поэтому, уже не указом Николая I, а распоряжением Главнокомандующего Отдельным Кавказским корпусом Генерал-адъютантом князем Воронцовым от 6 июня 1847 года будут разработаны «Правила о поступлении с пленными и добровольными выходцами из горцев», где указано: «Военнопленные, без различия пола и возраста, остаются в течении трех месяцев в ближайшей крепости или укреплениях для размена русских пленных, в горах находящихся. Из правила этого должны допускаться исключения для тех военнопленных, которых начальство признает полезным удалить немедленно в Россию» [9, Л. 50-51]. Здесь почему-то сразу вспоминается имам Шамиль, словно для него отдельно, заблаговременно, было приписано последнее предложение. Впрочем, это замечание, может быть, не совсем корректно в научной статье, но обратить внимание на «Свидетельство», выданное уже бывшему проконсулу Кавказа, необходимо как на показательный факт той эпохи! Документ уникальный. Информация о спасенных братьях Таштамире и Алтамире Тустовых в специальной литературе приводится как признак любви А.П. Ермолова к кавказским детям. Конечно, А.П. Ермолов любил детей, особенно своих, и есть масса документов (писем), где он постоянно ходатайствует за своих мальчиков – детей от двух кебинных жен и одной крепостной девушки Марфы из отцовского имения. А вот судьба «спасенных» ногайцев Таштамира и Алтамира Тустовых (или Петра Сергеевича и Павла Сергеевича Масловых) далее не прослеживается, данные о них не обнаружены, и более они нигде не упоминаются, хотя согласно «Свидетельству» – это довольно взрослые дети, они должны были знать свои корни, имена родных, название своего аула. И, наверное, если бы они проявили какие-то способности, как Петр Захаров, то они смогли бы оставить после себя какой-то след. Но, видимо, таких способностей у них не было, как и у Павла Захарова. Но рядом с Павлом был Петр Захаров, поэтому о судьбе Павла хоть что-то, да известно – «солдатом погиб в Грозной».

Может быть, и участь Тустовых-Масловых была аналогичной.

Как видно по обоим «Свидетельствам», Тустовы были взяты в плен еще в 1824 году, а передача их «на воспитание» А.П. Ермолову произошла в апреле 1827 года. Где и как содержались эти дети?

По данному вопросу А.С. Пушкин в «Путешествие в Арзрум» оставил уникальное свидетельство: «В крепости я видел черкесских аманатов, резвых и красивых мальчиков. Они поминутно проказят и бегают из крепости. Их держат в жалком положении. Они ходят в лохмотьях, полунагие, и в отвратительной нечистоте. На ногах я видел деревянные колодки. Вероятно, что аманаты, выпущенные на волю, не жалеют о своем пребывании во Владикавказе» [31].

Пушкин, действительно, гений! В одном абзаце он описал весь ужас содержания пленных детей. Поэтому, он так прямо и пишет – «выпущенные на волю». И при этом он констатирует, что они не будут «жалеть о своем пребывании», ибо их будущее будет еще более ужасным.

В данный момент почему-то вспоминается образ манкурта Чингиза Айтматова или «Соты Бейхами» из романа «Учитель истории» [15].

Одним абзацем, очень кратко, но Пушкин сумел хоть как-то обозначить проблему с пленными детьми горцев-кавказцев. Но почему остальные писатели-гуманисты, даже такой как Лев Толстой, писали о русских солдатах, попавших в плен, а о пленных чеченских детях – ни слова?

Может быть, до них тоже был доведен строгий приказ: «А описывать экспедиции не велят». Только Пушкин посмел, и то – вскользь.

Надо иметь ввиду, что Пушкин не был военным и гражданскому еще могло сойти с рук, то, что офицеру было крайне опасно и, вообще, не патриотично нарушить приказ – «не описывать!».

Именно так воспринимаются свидетельства некоторых офицеров русской армии, описывающих Кавказскую войну. Так, например, декабрист А.П. Беляев (1802-1888) – человек прогрессивных взглядов, сторонник гражданских свобод, и он в своих воспоминаниях так описывает уничтожение чеченского аула Кишень-юрт в 1842 году: «Во время стоянки приказано было разорять аул и рубить фруктовые деревья. С сердечным сокрушением смотрел я как одно за другим валились многовековые, гигантские орешники, из которых каждый кормил целый год многолюдное семейство. Орехов на них бывает такое изобилие, что, вывозимые на базары, они доставляли хлеб и все нужное для дома – и все это гибло за то, что изуверству или фанатизму Шамиля угодно было поднять все эти племена на безнадежную, священную войну против неверных» [2].

Учитывая либерально-прогрессивные взгляды А.П. Беляева, можно предположить, что основной мыслью или ключевыми словами процитированного абзаца являются слова «с сердечным сокрушением», и тогда понятно, почему с декабристом дружил другой русский писатель-гуманист Лев Николаевич Толстой, и даже известно, что великий классик был редактором «Воспоминаний» Беляева. Небольшой разбор этого свидетельства показывает, что «сердечное сокрушение» вызвано приказом «разорять аул» и эти два слова воскрешают в памяти рисунок из альбома Геевского Е.П. «Разорение аула Топли 6 марта 1820 года» (Рис. 4) и «Разорение аула (лезгинского)» художника Т.Ф. Горшельта (Рис. 5).

Понятно, что «разорение аула» – это насилие, будут жертвы, будут раненые и пленные. Однако об этом не велено писать, и тогда Беляев сокрушается, что «одно за другим валились многовековые, гигантские орешники».

Здесь, по-нашему мнению, необходимо сделать несколько оговорок. Мать А.П. Беляева – шведка. С юности он служил во флоте и, будучи мичманом, посетил многие европейские страны, после чего в нем утвердился некий дух свободы. Он не состоял ни в каких тайных дворянских обществах, хотя и знал об их существовании, но в декабре 1825 года он был на Сенатской площади вместе с восставшими, и впоследствии вместе с братом был осужден. После каторги, в качестве рядового, был отправлен служить на Кавказ, где дослужился до офицера и в 1848 году был отправлен в отставку.

Эти краткие подробности приведены к тому, что Беляев, скорее всего, все прекрасно понимал, и он не мог в своих «Воспоминаниях» написать, что чеченцы – древний и свободолюбивый народ Кавказа. Он умело применяет литературную метафору – гигантские, многовековые ореховые деревья, которые посажены чеченцами и щедро их кормят, точнее, кормили.

Однако Беляев вынужден ввести фигуру «изувера и фанатика Шамиля, который поднял эти племена на безнадежную, священную войну».

«Воспоминания» А.П. Беляева написаны и изданы в 1880-х годах, когда Шамиля уже давно нет. Но есть царь, есть самодержавие, есть цензура. И Беляев понимает, что лежит в основе колониальной войны – имперский дух. Однако, он уже жестоко проучен, вот и списывает он все грехи на имама Шамиля, хотя и знает, что последний был имамом Чечни лишь 19 лет, с 1840 по 1859 гг., после чего, якобы, сдался в почетный плен, следом торжественно присягнул императору России Александру II, получил дворянское звание и генеральскую пенсию за выслугу лет.

А если ссылаться на того же декабриста А.П. Беляева, то следует отметить, что он служил на Кавказе с 1839 года, но сражение при Валерике в своих «Воспоминаниях» он никак не упоминает, ибо таких сражений было очень много, да и зачем лишний раз описывать жестокость, кровопролития, пленных; зачем чеченцев, этих аборигенов, которые веками выращивали гигантские ореховые деревья, упоминать? А вот эти деревья, эти дремучие леса мешали завоеванию Кавказа. Как не вспомнить здесь «Рубку леса» Толстого?

Казалось бы, судя по названию, речь идет лишь о рубке леса. Даже великий гуманист Толстой не пишет, что рубить будут не только лес… В этом плане гораздо откровеннее был Лермонтов, когда описывал сражение при Валерике.

Следует отметить, что сражение при Валерике было описано не только участниками данного события, но и первым исследователем жизни и творчества М.Ю. Лермонтова П.А. Висковатым, который тоже уделил большое внимание чеченскому, многовековому, девственному лесу, понимая, что лес для чеченца – это не только кормилец, но и защитник, и соратник, и очаг, и кавказский дух!

Именно об этом пишет Висковатов: «…Отряд следовал к Гехинскому лесу. Неприятель не только не сопротивлялся, но и не показывался. Когда же войска вошли в лес и пошли по узкой лесной дороге, они встретили сильное сопротивление со стороны засевших в завалах черкесов… Впереди виднелась речка Валерик…Едва артиллерия начала сниматься с передков, как чеченцы внезапно открыли убийственный огонь. Войска кинулись вперед через овраг, помогали друг другу, перебрались через речку по грудь в воде. Начался упорный, рукопашный бой частью в лесу, частью в водах быстро текущего Валерика. Кинжал и шашка уступили, наконец, штыку. В лесу за речкой бой или, по крайней мере, перестрелка длилась еще много времени» [5, с. 88-89].

Рис. 4. «Разорение кавказского аула»
Рисунок из альбома Геевского Е.П.

А вот как Лермонтов описывает этот бой:

Что нужды? здешние полки
Народ испытанный.. В штыки,
Дружнее! раздалось за нами.
Кровь загорелася в груди!
Все офицеры впереди…
Верхом помчался на завалы
Кто не успел спрыгнуть с коня.
Ура – и смолкло. – Вон кинжалы,
В приклады! – и пошла резня.
И два часа в струях потока
Бой длился. Резались жестоко
Как звери, молча, с грудью в грудь,
Ручей телами запрудили.
Хотел воды я зачерпнуть…
(И зной и битва утомили

Меня), но мутная волна
Была тепла, была красна

Только очевидец, участник боя и при этом гениальный поэт мог так емко описать весь накал борьбы. Чего стоят две неполные строки: «…Резались жестоко как звери, молча, с грудью грудь…»

Рис. 5. «Разорение аула(лезгинского)»
Горшельт Т.Ф.

Хотя сам Лермонтов – офицер русской армии, но будучи поэтом, художником, он как бы отстраняется от ситуации, пытается смотреть на все это со стороны, и тогда он видит, что в сражении на реке Валерик, в чеченском лесу, в жестокой схватке сошлись люди – «как звери».

По Лермонтову получается, что и чеченцы, и русские – «как звери». И нападающие, и защищающиеся – «как звери».

Даже если не абстрагироваться, а логически оценить ситуацию, то понятно – обороняющаяся сторона, за спиной которой находятся дети, женщины, старики, очаг и просто будущее, должны либо пасть на колени, сдаться, либо сражаться, «как звери», до конца.

Но почему Лермонтов сравнивает со зверями и своих сослуживцев?

Конечно же, гениальный поэт Лермонтов гораздо гуманнее и дальновиднее, чем его командир генерал Галафеев, и даже чем офицер Лермонтов.

Впрочем, это некая литературная реминисценция, а мы вернемся к нашей исследуемой теме и посмотрим, как Лермонтов, уже не как поэт пером, а как художник кистью описал сражение при Валерике. И посвятил он этому грандиозному, судя по отражению в истории, и в его жизни, событию несколько рисунков. Это карандашный рисунок «Сражение при Валерике. Начало боя. Генерал Галафеев», Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург (Рис. 6); набросок к акварели «Эпизод из сражения при Валерике», 1840 г. Государственный Литературный музей, Москва (Рис. 7); «Эпизод из сражения при Валерике». Акварель Лермонтова и Гагарина, 1840 г. Государственный Русский музей, Санкт-Петербург (Рис. 8) и «При Валерике, 12 июля 1840 г. Похороны убитых», Акварель Лермонтова, 1840 г., Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург (Рис. 9).

Прежде, чем мы перейдем к комментариям рисунков Лермонтова, обратим внимание на заключение исследователя живописного наследия Лермонтова Пахомова Н., который отмечает, что «для Лермонтова характерен самый выбор зарисовок. Мы знаем, что поэт достаточно долго скитался по России, чтобы создать целую сюиту различных видов. Однако среди дошедших до нас рисунков, мы напрасно бы стали искать виды того Тамбова, который он описал в своей «Тамбовской казначейше», или виды Новгорода, где стоял Гродненский гусарский полк, в котором он служил. Даже виды Тархан, неоднократно запечатленные в его литературных произведениях, отсутствуют среди его рисунков. Зато часто и любовью он изображал Кавказ, тот Кавказ, которым был увлечен с самого детства и который был фоном большинства его произведений» [29, с. 56-57].

Глядя на рис. 1 «Сражение при Валерике», где, как и положено, в центре и во главе всего на коне генерал Галафеев, вспоминается, почему-то, картина Веласкеса «Сдача Бреды» (Рис. 3). Дело в том, что эта картина имеет еще одно название «Копья», потому что художник показал огромное количество копий испанских воинов, направленных вверх.

Уверенно можно сказать, что Лермонтов не видел картину Веласкеса, но и на его рисунке, только в левой части, огромное количество штыков, тоже направленные вверх. У Веласкеса изображено окончание боя, после чего будет заключен мир между Испанией и Голландией, а у Лермонтова это начало боя и эти многочисленные штыки русской армии, как отметил Лермонтов – они от крови поржавеют.

Генерал Галафеев в своем рапорте напишет: «Эти солдаты были те самые герои, которые не раз уже проходили по скалам Кавказа... и чеченцы, невзирая на свое отчаянное сопротивление, были разбиты». Именно об этом и следующая акварель Лермонтова (Рис. 6).

Этот набросок (Рис. 7), этот фрагмент ляжет в основу известной работы «Эпизод из сражения при Валерике», выполненной Лермонтовым совместно с Гагариным.

Рис. 6. Сражение при Валерике. Начало боя. Генерал Галафеев.

Рисунок Лермонтова, 1840 г. Санкт-Петербург.

Рис. 7. Набросок к акварели. «Эпизод из сражения при Валерике»

Рисунок Лермонтова, 1840 г.

Литературный музей, Москва.

И как отмечает Пахомов: «Характерно, что Гагарин, в своем большом полотне «Сражение при Ахатли», исполненном после смерти Лермонтова, повторяет эту же группу, правда, на втором плане, этим подтверждается, какое большое смысловое значение он придавал этой композиции, столь врезавшейся, по-видимому, ему в память» [29, с. 67].

Прежде, чем мы приступим к рассмотрению основной работы «Эпизод из сражения при Валерике» (Рис. 8), уместно сказать несколько слов о соавторе Лермонтова Гагарине Г.Г. (1810-1893) – князе, который с детства жил в Италии. Там же он подружился и брал уроки живописи у великого Карла Брюллова; был человеком очень прогрессивных взглядов.

Акварель «Эпизод из сражения при Валерике» сохранилась в архивах Гагарина и там же отмечено на французском языке рукой того же Гагарина, что «Лермонтову принадлежит композиция и рисунок, Гагарину – раскраска».

«Эпизод из сражения при Валерике» – потрясающаяся по историческому реализму работа, была исполнена через несколько месяцев после того самого сражения, а, именно, осенью 1840 года в городе Кисловодск, где встретились Лермонтов и Гагарин.

Как известно, Гагарин в сражениях на Кавказе участие не принимал. Однако, видимо, под впечатлением от рассказа Лермонтова два художника решили запечатлеть данный факт истории для потомков.

Как отмечал Пахомов Н.: «Картины и рисунки Лермонтова не профессиональны, они грешат против многих правил живописного мастерства, но зато все они овеяны духом гениальности Лермонтова, все они таят в себе какую-то только им присущую гамму красок, своеобразный аромат его восприятия природы, подлинные куски его зрительных впечатлений» [29, с. 81].

Действительно, это так. По академической выучке, как русский офицер, Лермонтов должен был в центре композиции поместить своих сослуживцев, а, может, как любили некоторые художники, и себя героя показать.

С другой стороны, именно как художник, оценивающий эту ситуацию беспристрастно, Лермонтов мог бы стать, как бы посередине, и тогда масштаб или художественная перспектива картины были бы совсем иными. Однако в этой акварели фокус не в итоге сражения, а совсем в другом: здесь на переднем плане обороняющиеся горцы-чеченцы, которые своим характером, своим поведением, своим духом буквально поразили великого поэта, и то, что Лермонтов не посмел написать в своем стихотворении «Валерик», рассказал своему товарищу Гагарину и они описали это событие на полотне.

«Эпизод из сражения при Валерике» – это уникальное живописное произведение в русском, да и в мировом искусстве.

В XIX веке царская Россия непрерывно ведет войны на границах империи и не только. Эти завоевания русской армии запечатлены на многочисленных полотнах великих русских художников.

А вот то, что отобразил Лермонтов в своей картине «Эпизод из сражения при Валерике» – это прямо противоположный взгляд, нежели тот, который господствовал в российской батальной живописи. И прежде, чем мы перейдем к детальному анализу композиции, отметим главное – а главное заключено в том, что Лермонтов, как

исполнитель, без всяких сомнений, помещает самого себя в самой гуще уже почти что полностью поверженных горцев-чеченцев.

При этом, и это сверхважно: в картине Лермонтова нет никакого сочувствия и тем более жалости к проигравшим горцам. Наоборот, Лермонтов потрясен, он восхищен и удивлен характером горцев Кавказа…

Следует отметить, что такие сражения, как при Валерике, за долгое время Кавказской войны происходили довольно часто, но лишь благодаря Лермонтову и Гагарину мы можем увидеть реальную картину.

Следует отметить, что эту акварель авторы не посмели опубликовать и предать гласности даже как апофеоз русского оружия и победы. Нет! Не то, что при жизни Лермонтова, даже при жизни самого Гагарина эта картина не была обнародована. И только в 1898 году, когда наследники Гагарина передали альбом последнего в Русский музей, эта акварель, и то лишь в начале XX века, стала известной.

А почему эта работа не увидела свет при жизни Лермонтова или даже Гагарина?

Ответ на этот вопрос в самой картине – безотносительно от авторов, симпатии художников всегда на стороне того, кого художник помещает в центр своего холста, на кого обращен весь спектр внимания и соучастия, и это – чеченцы, уже поверженные, уже перебитые, уже проигравшие этот бой, конкретно это сражение. Но все равно, именно эти горцы-чеченцы оказались достойны внимания. И Лермонтов, и Гагарин запечатлели не просто «Эпизод из сражения при Валерике», они сделали совсем иное, смысл их работы совсем в ином. Они поразились и поэтому запомнили, и отобразили конкретные лица, жесты, характеры, манеры, и что особенно важно, даже взгляды, даже мысли, чувства и дух этих борющихся за свое существование людей.

Так ли скрупулезно и внимательно описывал тот же Лермонтов своих сослуживцев, даже своего командира – генерала Галафеева, рисуя картинки того же сражения при Валерике?

Так на рисунке 6 «Сражение при Валерике. Начало боя. Генерал Галафеев», нет никакой чувственности, экспрессии или героики, лишь всеохватывающая мощь, и если в правой части рисунка видно, что войска уже вступили в бой, то слева и в глубине еще стоят огромной массой штыки-резервы, а посередине безликое очертание генерала Галафеева и прямо, как бы под его носом, труп сраженного коня. И вся эта картина серая, в пороховом тумане и даже горы и леса, что в перспективе на полотне, тоже показаны как клубы дыма начавшегося пожара.

Не так сухо, как «Начало боя. Генерал Галафеев», исполнена Лермонтовым следующая акварель «При Валерике. 12 июля 1840 г. Похороны убитых» (Рис. 9).

Казалось бы, что в этой картине все естественно, прозаично, как говорится «лес рубят – щепки летят», то есть жертвы на войне случаются и их с почетом надо хоронить. Но, вместе с тем, в этом документе истории есть, по-нашему, и нечто иное, что может быть у Лермонтова, как у любого художника или писателя, получилось, как бы неосознанно – это останки двух огромных деревьев: они четко, хорошо прорисованы и здесь автор сделал явный акцент, показав то насилие, что эти живые существа испытали. На них не осталось ни одного живого листочка или даже сучка, но если вглядеться, то тот остов дерева, что крайний справа, тот что с обороняющейся стороны, с чеченской стороны, еще ведь стоит.

Да, этот остов, даже несколько, от бесчисленных и беспощадных пушечных ударов прогнулся, истерзан, но он стоит, упрямо стоит и в его позе, в его позиции и в этой отличительной проработке, вроде какого-то бревна, есть что-то отстраненно-непоколебимое, даже надменно-величавое, словно это кавказский исполин смотрит с презрением на суету бесчисленной карликовой рати.

Рис. 8. Эпизод из сражения при Валерике.

Акварель М. Лермонтова и Г. Гагарина, 1840 г.

Государственный Русский музей, Санкт-Петербург

Напомним, что это комментарии к акварели Лермонтова «При Валерике. 12 июля 1840 г. Похороны убитых».

В литературе по живописи Лермонтова есть и иные комментарии, все они, как, например, у Пахомова Н. очень кратки: «Акварель, изображающая похороны убитых на другой день после Валерикского сражения, выполнена сухо и протокольно, по установившемуся для изображения батальных сцен, несколько театрализованному образцу» [29, с.120-121].

Значительно больше в литературе есть комментарий по акварели «Эпизод из сражения при Валерике». Так, например, Иванова Т.А. в исследовании «Лермонтов на Кавказе» пишет: «Особенно поразил Гагарина эпизод сражения при Валерике: чеченцы борются за тела убитых. Рисунок полон экспрессии и драматизма. В центре благородная фигура чеченца на фоне родных гор. Прекрасно его лицо с глазами, полными страдания. Скорбно приподняты брови. Он держит на руках убитого брата или друга. Другие загораживают его от надвигающихся из глубины русских. Один из живых простирает к ним

руку и как бы говорит: оставьте нам мертвых! На земле тела убитых. Мертвая рука убитого героя, защищавшего свой родной край, все еще сжимает кинжал.

Рис. 9. При Валерике. 12 июля 1840 г. Похороны убитых.

Акварель Лермонтова, 1840 г.

Государственная национальная библиотека, Санкт-Петербург

Это описание акварели «Эпизод из сражения при Валерике» взято из исследования Русские солдаты идут сплошными рядами. Одни штыки, лица стерты. Их движет внешняя непреодолимая, грубая сила, как вынуждает она и самого Лермонтова, поэта и художника, проливать кровь, как заставляет лучших русских людей воевать с горцами.

Страшное противоречие – сражаться и сочувствовать врагам! Безвыходность – убивать или быть убитым. И мучительное желание уйти от этого кровопролития» [16, с. 171-172].

А вот другой, очень краткий комментарий того же Пахомова: «В акварели выражено то отношение к захватническим войнам русского царизма, которое так ярко звучит в стихах Лермонтова, посвященных сражению при Валерике… Центральная группа акварели запечатлевает обычай горцев во что бы то не стало уносить с поля боя не только раненых, но и убитых.

Висковатов, со слов Филипсона, пишет: «У горцев образовался обычай, отправляясь в военное предприятие, давать друзьям и союзникам клятвенное обещание привозить

обратно мертвых, или, если это окажется невозможным, отрубать голову убитого и привозить ее семейству; не сделавший этого принимал обязательство всю жизнь содержать за свой счет вдову и детей павшего товарища» [29, с. 65].

Пахомова Н.П. «Живописное наследие Лермонтова», выпущенного издательством Академии наук СССР в 1948 году, под эгидой Института русской литературы (Пушкин. дом) АН СССР. При этом Пахомов Н.П. ссылается на первого лермонтоведа Висковатова, который, в свою очередь, дает эту информацию «со слов Филипсона», но в воспоминаниях генерала Филипсона Г.И. мы не нашли подтверждение этому.

Вместе с тем, у того же Филипсона есть следующие свидетельства о немецком бароне Зассе Г.Х. (1797-1883), который дослужился до звания генерала русской армии: «Засс, по обычаю, приказал отрезать головы убитых и с этим трофеем возвратился в свой Прочный Окоп. Через год после того, я встретил генерала Засса в Ставрополе. Он ехал на санях, а другие сани, закрытые полостью, ехали за ним: «Куда это, ваше превосходительство, и что везете?». «Еду, земляк, в отпуск и везу в сдачу решенные дела», – с этим словом он открыл полость, и я не без омерзения увидел штук пятьдесят голых черепов» [7, с. 102].

А вот еще одно свидетельство того же Филипсона: «Трофеями этого дня были несколько трупов горцев, у которых отрубили головы, завернули и зашили в холст. За каждую голову Вельяминов ((1785-1838), командующий Кавказской линии и Черномории с 1831 года) платил по червонцу и черепа отправлял в Академию наук. Поэтому за каждого убитого горца была упорная драка, которая иногда многим стоила жизни, с той и другой стороны… Драка за трупы и отрезание голов вошли в нравы и обычаи кавказских (царских) войск» [7, с. 120-121].

По свидетельству Филипсона, мы видим кто, почему, как и за что отрубал головы убитых горцев. А сами чеченцы, и никто обратное не докажет, никогда не шли войною на другие народы, не торговали головами врагов как последние варвары и дикари.

И мы уверены, если бы был факт, что чеченцы, якобы, у своих же убитых отрубали головы, то такой человек как Лермонтов, а он, по свидетельству близких, был очень жестким и правдивым человеком, никогда бы не прошел мимо этого факта. Но такого не было и не могло быть, ибо этого нет в традициях, в истории, в верованиях и в Адатах Кавказа.

Также следует обратить внимание и на другой комментарий того же Пахомова Н.П., что «у горцев был обычай, отправляясь на военное дело, давать друзьям и союзникам клятвенное обещание…». Никто никому никогда никаких обещаний и клятв не давал – ибо чеченское общество – это свободное общество независимых людей и когда на их землю приходил враг, все кто мог, даже женщины и дети шли на защиту своего очага. И по этому поводу у чеченцев есть даже поговорка, когда человек слишком спешит: «ТIам тIе воьдуш санна сихвелла воьдуш ма ву хьо!» В смысле – торопишься как на бой (сражение).

Вот это и есть обязанность – защищать свой край, свой очаг, своих близких!

И, наконец, последнее утверждение Пахомова «содержать за свой счет вдову и детей павшего товарища». В данном случае, видимо, цитируемый автор решил связать жизнь чеченского общества с жизнью воровской среды, которая зародилась при большевистском строе в те же 30-ые годы, когда в Советском Союзе массово создавалась система

первобытного насилия – ГУЛАГ, где, под контролем тех же большевиков, взращивали «касту» так называемых «воров в законе», где культивировалось это понятие – забота о близких родственниках погибшего «за дело» вора.

Это воровское понятие в криминальной среде, а в чеченском обществе, при любых обстоятельствах, о вдовах и сиротах заботятся только близкие родственники, однотайповцы или односельчане. Если, в связи с войнами, и таких не оставалось, то каждый чеченец чеченцу – брат, друг, товарищ!

Этот фундаментальный принцип заложен в Адатах Кавказа и благодаря этому чеченцы выстояли, выжили в многолетней войне, названной в литературе Кавказской, в XIX веке, выжили при выселении в Среднюю Азию, в Сибирь – геноциде XX века.

А то, что мы, исследуя тему «Валерик – пером и кистью Лермонтова», столько внимания уделили цитате из книги Пахомова Н.П., имеет свой закономерный, по нашему мнению, смысл, ибо случайностей в мире нет.

Так, Пахомов Н.П. (1890-1978) – искусствовед, литературовед и к тому же – кинолог, любитель собак, и в 1935 году он выпускает книгу «На волков с гончими» (так и напрашивается добавить «псами») и в том же году этот Пахомов, вдруг, всем известную картину «Корнет лейб-гвардии Гусарского полка М.Ю. Лермонтов «1834. Холст, масло, 73,6х62,0 Институт русской литературы (Пушкинский дом), АН СССР (Рис. 10), которая ровно век – 100 лет – была известна как работа художника Петра Захарова-Чеченца, вдруг, в 1935 году этот искусствовед-собаковод Пахомов подвергает сомнению и присваивает авторство некому художнику Будкину Ф.О., о котором мало что известно.

Как мы ранее писали, в 1948 году Пахомов выпускает большое исследование «Живописное наследие Лермонтова», где мнение этого автора безапелляционно, политически выверено, потому что в это время весь чеченский народ уже выслан с Кавказа, как предполагалось, навсегда.

В главном зале Института русской литературы (Пушкинский дом) АН СССР, на самом почетном месте находился портрет великого русского поэта – лучший, по исполнению, портрет М.Ю. Лермонтова кисти Чеченца из Дада-Юрта…

В данный момент, кто-то может подумать, что последняя информация явно не по заявленной теме «Валерик…». На самом деле, это все взаимосвязано, ибо речь идет о том же Лермонтове, о его отношении не только к сражению при Валерике, но и личных контактах с чеченцами. Задолго до этого и вопреки многочисленным научным публикациям, например, статьи главного хранителя музея ИРЛИ РАН (Пушкинский дом) Кочневой Е.В. «Он не красив, он не высок …» [20], опубликованной уже в 2014 году, где еще раз была сделана попытка упомянутый портрет Лермонтова приписать Будкину Ф.О. По нашим многочисленным ходатайствам была назначена искусствоведческая комиссия из сотрудников Государственного Русского музея (Санкт-Петербург), которая восстановила справедливость: авторство Петра Захарова было доказано.

Однако, вновь вернемся к живописи Лермонтова, точнее к акварели Лермонтова и Гагарина «Эпизод из сражения при Валерике», и здесь на переднем плане трупы – трупы только чеченцев. Мы видим сраженного горца, который в правой руке все еще сжимает свое оружие – саблю, которую он даже не успел обнажить. Чуть выше, левее от центра, еще один поверженный горец в черной шапке – острый длинный штык уже готов в него вонзиться, в

отчаянии сжат его кулак, а во взгляде – весь ужас бойни. Между этими фигурами запечатлен еще один горец – горец-здоровяк, в нем чувствуется сила и мощь, но и он уже пал, голова в бессилии склонилась к земле, хотя в руке он еще сжимает кинжал, острием вверх…

Кстати, этот передний план акварели чем-то напоминает ту же груду поверженных на знаменитом полотне Эжена Делакруа «Свобода, ведущая народ». Эта картина написана за десять лет до «Эпизода из сражения при Валерике», в 1830 году. Она выставлялась в Париже, имела огромный успех и, может быть, художник Гагарин, в то время проживавший в Европе, тоже мог видеть эту картину и также жертвы борьбы вывести на передний план.

Впрочем, конечно же, масштаб, значимость и влияние этих двух работ, вроде бы, несопоставимы. Тем не менее, идея этих картин – одна: и если на великом полотне, которое украшает Лувр, торжествует знамя победы, то исследуемая нами акварель где-то в запасниках Русского музея, здесь все наоборот. И хотя авторы этой акварели Лермонтов и Гагарин – не профессиональные художники, тем не менее, с композиционной стороны они все исполнили правильно. Наступающие русские войска в белой, как бы в парадной форме. И они не в центре, они, вроде не прописаны четко, они безлики и их совсем немного, но они сверху, они выше, они безусловно побеждают, идут со штыками непоколебимо вперед. А вот масса чеченцев показана слева, в углу, внизу. Уже изображены спины отступающих чеченцев. Несколько отдельно, на фоне голубого неба и белоснежных гор, изображены двое горцев, уносящих с поля боя раненого соратника.

На рисунке 7 есть карандашный набросок этого фрагмента, выполненный Лермонтовым отдельно. Здесь в фокусе изображен высокий горец. И для сравнения надо отметить, что этот же горец на акварели в совместной работе с Гагариным имеет совсем иной взгляд, выражение лица, нежели, чем на предварительном наброске.

Этот горец уже знает, что сражение проиграно, но он не отступает, ведь отступление – позор для настоящего горца. Покидая поле боя, он хотел вынести раненого или уже убитого брата. И мы видим, что взгляд этого горца, спасающего поверженного брата, устремлен к полю боя, к врагу. И голова этого худого, высокого, жилистого чеченца, как отметили художники, отнюдь не опущена. Наоборот, с явным вызовом решительно и презренно вздернут подбородок, и фатальная отчаянность, сила и злость во всем его горделиво-вызывающем облике. Становится ясно – он вынесет убитого брата с поля боя, обязательно вернется, отомстит, погибнет, и его тело уже некому будет выносить, царские солдаты через него перешагнут и своих убитых и даже раненых лошадей пересчитают …

Если мы вновь вернемся к дневнику генерала Галафеева, то там в самом конце приписана следующая фраза: «Еще многие семейства находились до самого появления наших войск на полевых работах».

Да, именно так показаны чеченцы на акварели «Эпизод из сражения при Валерике»:

Рис. 10. Петр Захаров – Чеченец

Корнет лейб-гвардии Гусарского полка М.Ю. Лермонтов.

1834 г. Холст, масло, 73,6х62,0

Институт русской литературы (Пушкинский дом) РАН,

Санкт-Петербург

это не бойцы какой-то регулярной армии, а простые жители близлежащих аулов и они, как это видно по изображению, даже не имеют с собой никакого огнестрельного оружия – ни одного ружья или пистолета, только сабли и кинжалы, которые не все даже успели обнажить под огнем артиллерии.

А еще, как мы ранее упоминали, в тот день в плен, именно в плен, была взята женщина, что шла на полевые работы.

Также на рисунке 2 мы показали фотографическое изображение чеченской женщины, сделанное немецкими исследователями в конце XIX века. Думается, что это

среднестатистический образ чеченской женщины после Кавказской войны, которой и грудного ребенка не с кем оставить дома, и вид у нее, в целом, вызывающий сочувствие.

В этом плане, раз мы вначале ознакомились с «Казачьей колыбельной песней», интересно, какова колыбельная песня чеченской женщины-матери? И здесь, рассматривая чеченский фольклор, поражаешься одному удивительному факту, что «целый ряд героев – безымянны, использованы нарицательные имена: сын Вдовы, сын Вдовой старухи, брат Сестры и другие» [27, с. 58].

Здесь возникает закономерный вопрос: «А почему в патриархальном чеченском обществе вдруг «сын Вдовы»?

Лермонтов в своем произведении частично дал ответ на этот вопрос: столько жертв, что даже полноводная река Валерик покраснела от крови горцев.

Вот откуда одинокая, босоногая чеченская женщина с люлькой. Ее мужа убили, и она уйдет, в очередной раз, по трагической традиции Чечни и Кавказа, в родные, недоступные для врага горы, где и родит сына.

Вот сохранившаяся «Колыбельная чеченской Вдовы» (Илли) [27, с. 61]:

Чтобы умерла родившая
Тебя мать (вместо тебя)
Мой маленький Нохчийн КІант,*
Из-за тебя нездоровой , когда я легла,
На вершине Толам-Лам сокол проклякотал.*
Когда ты от моего тела отделялся,
На высокой снежной горе
Барс ревел – «цІу-у-ув!»
Когда ты от моего тела отделялся
Волки завыли
– «Как наше сильное и смелое
пусть будет твое сердце!»
Когда я тебя взяла на руки,
Могучий, горный олень протрубил:
– «Чтобы обездоленных спасти
Пусть большое и благородное
Будет твое сердце!»
Когда твои губы коснулись
моей груди, я прошептала:
– «Чтобы обездоленных чеченских
*сирот спасти, дай мне Дела**
сил воспитать тебя!
Вырасти быстрее наш защитник!

Мой маленький, любимый Нохчийн КIант!»

**Нохчийн КIант – Чеченский молодец*

**Толам-Лам – чеченск. Гора Победы (Тебулосмта (груз.))*

** Дела – Бог (чеч.)*

** Смысловой перевод автора с чеченского*

Сравнивать эту колыбельную песню с «Казачьей колыбельной песней» методологически неверно, ибо последняя – плод сочинения Лермонтова, а «Колыбельная чеченской женщины» – это народный фольклор.

Тем не менее отметим, что каким бы гениальным поэтом Лермонтов не был, содержание своей «Колыбельной» он где-то услышал, уловил этот народный мотив и не удивительно поэтому, что и его бабушка, и великий критик Белинский от наставлений матери к набегу – просто в восторге! «Чудо!»

А в чеченском «Илли» – полная гармония с природой, и по тексту ощущается, что эта женщина одинока, она бежала в горы, чтобы спасти своего ребенка. И у нее нет шелка, чтобы седло сына расшить, да и коня ни у нее, ни у ее рождающегося дитя нет – лишь дикая природа Кавказских гор. Но с нею есть все обитатели этих гор и все они – от сокола, барса, волка, могучего оленя – желают ребенку стать не богатырем или джигитом-воином, а желают ему сильное, смелое, большое и, главное, благородное сердце, чтобы он смог спасти и защитить обездоленных сирот.

Военные экспедиции под руководством генерала Галафеева, в которых участвовал и Лермонтов, показали поэту истинный характер горца-чеченца и это он отобразил на своей акварели «Эпизод из сражения при Валерике», где все чечены очень злые, но никто не ползет и на коленях никто не стоит, и в самом центре – твердый, непреклонный жест, это рука, как жесткий заслон, и борьба, бескомпромиссная борьба за свободу!

Вот что увидел Лермонтов в Чечне, вот что его крайне поразило и он поведал это своему единомышленнику Гагарину, и они этот символ непокорности и борьбы за жизнь запечатлели для нас всех, для будущих поколений…

Правда были и есть и иные горцы, кавказцы и чеченцы, которые умели приспособиться к реалиям и их называли «мирные», а по Лермонтову «надменные» горцы, и они тоже принимали участие в Валерикском сражении и кое-кто из них был представлен в рапорте «О Всемилостивейшем пожаловании», и в этом списке, что хранится в РГВИА, двенадцать категорий: от высшего света – «по первому под лит(ерой) «А», «по одиннадцатому под лит(ерой) «Л» – это низшие чины казачьих войск и в самом конце «по двенадцатому под лит(ерой) «М» – это «Азиатцы» [35, Л. 25-27].

Кто-то из этих «азиатцев» дослужится до генералов, адмиралов, маршалов, однако в итоговом рапорте они навсегда останутся «азиатцами», а гении мировой литературы – Пушкин, Лермонтов, Толстой о них ни кистью, ни пером ничего не напишут, разве что скажут, что это – не «злой чечен», но он надменен… Надменен над самим собой….

Как мы ранее отмечали, на акварели «Эпизод из сражения при Валерике» рукою Гагарина карандашом указано, что она написана в Кисловодске и стоит дата – «11 июля 1840».

Известно, что это дата, когда состоялось сражение при Валерике, а по сохранившимся письмам, скажем другу А.А. Лопухину, выясняется, что Лермонтов две-три недели лечился в Пятигорске: «Я теперь вылечился почти совсем и еду с вод опять в отряд в Чечню… Я вошел во вкус войны» [23, с. 128].

И вот в обзоре военных действий и положения дел на Кавказе, по донесениям, полученным с 12 по 27 октября 1840 года, в частности указывалось: «Отряд генерала Галафеева (в котором находился Лермонтов), 28 числа занял аул Шали, истребив по пути весьма значительное количество запасов продовольствия и сена, 29 числа был занят главный аул Большой Чечни Герменчук… 3-го и 4-го октября войска предприняли снова движение к Шали и Герменчуку, сожгли оба селения» [34, Л. 42-46 об.].

А вот свидетельства сослуживца, сделанные в октябре 1840 года: «Лермонтов первый открыл отступление хищников из аула и при отбитии у них скота принимал деятельное участие, врываясь с командой в чащу леса и отличаясь в рукопашном бою с защищавшими уже более себя, нежели свою собственность, чеченцами» [12, с. 487].

По этому поводу есть и другие свидетельства. Так сослуживец Лермонтова барон Россильон Л.В. (1803-1883) впоследствии рассказывал: «Лермонтов нигде не мог усидеть, вечно рвался куда-то и ничего не доводил до конца…Гарцевал Лермонтов на белом, как снег, коне, на котором, молодецки заломив белую холщовую шапку, бросался на чеченские завалы. Чистое молодечество! – ибо кто же кидался на завалы верхом?!. Мы над ним за это смеялись» [38].

В конце декабря 1840 года Военный министр А.И. Чернышев отношением за № 10415 сообщает командиру Отдельного Кавказского корпуса о том, что император по всеподданнейшей просьбе г-жи Арсеньевой, бабки поручика Тенгинского пехотного полка Лермонтова, Высочайше повелеть соизволил: «Офицера сего, ежели он по службе усерден и в нравственности одобрителен, уволить к ней в отпуск в С.Петербург сроком на два месяца» [12, с. 500].

Ранее, как мы отмечали, император собственноручно просто вычеркнул Лермонтова из наградного списка по Валерикскому сражению. Ну а вскоре, раз бабушка ходатайствует и, если, конечно же, «по службе усерден и в нравственности одобрителен», дается добро.

Усердие по службе – понятно, расшифровывать не будем, Лермонтов показал это на своей акварели. А вот интересно, что по мнению императора России значит «в нравственности одобрителен»?

Ответ на этот вопрос дал Л.Н. Толстой: «Приняв поздравления, Николай прошел в церковь. Бог через своих слуг, так же, как и мирские люди, приветствовал и восхвалял Николая, и он как должное, хотя и наскучившее ему, принимал эти приветствия, восхваления. Все это так должно было быть, потому что от него зависело благоденствие *и счастье всего мира, и, хотя он уставал от этого, он все-таки не отказывал миру в своем содействии» [41, с. 83]*.

Как это созвучно со словами другого классика, которые мы не раз уже цитировали: «Пуская я раб, но раб царя вселенной!»

И вот о нравственности «царя вселенной» продолжение того же абзаца из «Хаджи-Мурата» Толстого: «Когда в конце обедни великолепный и расчесанный дьякон провозгласил «многая лета» и певчие прекрасными голосами подхватили эти слова, Николай, оглянувшись, заметил стоявшую у окна Нелидову с ее… и в ее пользу решил сравнение…» [41, с. 83].

И вновь вспомним «Валерик» Лермонтова – «жалкий человек» и убедимся, что «жалкий» не император Николай, а его раб Лермонтов, которому «царь вселенной» соизволил, и то по прошению бабушки, два месяца отпуска.

Лермонтов провел в Петербурге не два, а почти три месяца и по воспоминаниям его родственника и ближайшего друга А.П. Шан-Гирея: «Три месяца, проведенные Лермонтовым в столице, были самые счастливые и самые блестящие в его жизни. Отлично принятый в свете, любимый и балованный в кругу близких, он утром сочинял какие-нибудь прелестные стихи и приходил к нам читать их вечером. Веселое расположение духа проснулось в нем опять» [25, с. 226].

А вот что в это же время пишет редактор-издатель крупнейшего российского журнала «Отечественные записки» Краевский А.А. (1810-1889) в письме литературному критику, идеологу консервативных взглядов Каткову М.Н. (1818-1887): «Здесь, т.е. в Петербурге теперь Лермонтов… Он поздоровел, целый год провел в драках и поэтому писал мало, но замыслил очень многое» [12, с. 528].

И в эти же дни Белинский В.Г. пишет своему коллеге, тоже литературному критику Боткину В.П. (1812-1869): «Лермонтов еще в Питере. Если будет напечатана его «Родина», то, Аллах-керим, что за вещь: пушкинская, т.е. одна из лучших пушкинских» [12, с. 528].

Как видим, даже за столь короткое время в столице Лермонтов оказался в самом центре культурного влияния высшего света, он пользуется огромной популярностью и все это, разумеется, благодаря его творениям. И, вдруг, Белинский сомневается – «если будет напечатана его «Родина», значит что-то в этой «Родине» не так, как пожелают цензоры. И следом восточное выражение, которое скорее всего написано на бессознательной инерции мысли, но последняя отмечает явное влияние Кавказа на творчество поэта, на его мировоззрение и мироощущение.

Ведь об этом же сообщает и Краевский: «Он поздоровел». Это, прежде всего, в плане мышления, от того жизненного опыта, новых познаний и просто вида иных миров, иных культур и цивилизаций.

Об этом и говорил Лермонтов тому же Краевскому А.А.: «Я многому научился у азиатов, и мне бы хотелось проникнуть в таинство азиатского миросозерцания, зачатки которого и для самих азиатов, и для нас еще мало понятны. Но, поверьте мне, там на Востоке, тайник богатых откровений» [12, с. 534-535].

И вот в начале апреля 1841 года в журнале «Отечественные записки» выходит стихотворение Лермонтова «Родина» – «Люблю Отчизну я, но странною любовью!» и там же статья о поэте: «Он теперь в Петербурге и привез с Кавказа несколько новых Прелестных стихотворений. Тревоги военной жизни не позволяли ему спокойно предаваться искусству…Русской литературе готовятся от него драгоценные подарки» [12, с. 534].

Каковы же эти «драгоценные подарки»?

Вспомним как Белинский восторгался на «Казачью колыбельную песню» – «Чудо!»

«Родина» – это совсем другой уровень поэзии и Белинский не только в восторге, понимая, что это гений наравне с Пушкиным, но и встревожен.

Стихотворение «Родина», как и «Казачья колыбельная песня», входит в школьную программу для учащихся 9-х классов общеобразовательных школ, но не как обязательная учебная часть, а рекомендовано для факультативных занятий. Хотя известно, что в литературно-художественном плане стихотворение «Родина» – это просто шедевр!

В этом небольшом по объему произведении искусства Лермонтов образно, красочно, живо, как на картинке, описал всю деревенскую Россию – ее бескрайнюю ширь, бесконечность, цвета, звуки, нравы, традиции.

И все это с такой нежностью, с такой любовью, заботой и вниманием, что понимаешь, откуда берут начало крестьянские рассказы Тургенева и Толстого, сразу же вспоминается «Степь» Чехова.

Эта любовь к отчизне, эта красота отчизны выявлена Лермонтовым в финале произведения, а начало «Родины» совсем не простое:

Люблю отчизну я, но странною любовью!
Не победит ее рассудок мой.
Ни слава, купленная кровью,
Ни полный гордого доверия покой,
Ни темной старины заветные преданья
Не шевелят во мне отрадного мечтанья. Но я
люблю – за что, не знаю сам…

Здесь ключевое словосочетание – «слава, купленная кровью». Эта слава не завоевана, не заработана, не сотворена или просто выдумана – эта слава куплена. Происходил торг, где в выигрыше никогда не была отчизна в понимании Лермонтова, но выгодополучатели были всегда…

В этот же период – март-апрель 1841 года, в дневнике В.А. Жуковского появилась следующая запись: «Отдал письмо бабушки Лермонтова» [12, с. 532].

Это письмо Е.А. Арсеньевой императрице с просьбой об отставке Лермонтова. И тут же последовала реакция: дежурный генерал Главного штаба граф П.А. Клейнмихель вызвал Лермонтова и сообщил ему предписание (императора) в 48 часов покинуть Петербург и отправиться на Кавказ в Тенгинский полк.

В данный момент почему-то вспоминается известное определение Лермонтова: «Русь так уж сотворена, что все в ней обновляется, кроме глупостей» [23, с. 561].

Эта аксиома Лермонтова приходит на ум, когда мы пытаемся представить встречу поэта-гения и высокопоставленного придворного льстеца, казнокрада, лицемера П.А. Клейнмихеля: и чего только стоят его прижизненные портреты, особенно работы Ф. Крюгера, чтобы понять, как нелегко было Лермонтову общаться с ним, зная о нравах и характере последнего, и о своей пожизненной мечте:

Отворите мне темницу,
Дайте мне сияние дня…

Такие слова, тем более мысли, в русской литературе до Лермонтова никто не смел говорить.

Лермонтов пользуется популярностью в свете, он вольнодумец и, к тому же, избалованный обеспеченной бабушкой молодой человек, про которого на современном сленге можно было бы сказать – мажор.

Однако, это вовсе не так, ибо Лермонтов и мы об этом уже писали, даже во время кратковременного отпуска в столице работает усердно.

Именно в этом, в его труде, в литературном труде, проявляется его гений, его природный дар и исключительность. Но это «сияние» в этой «темнице» истинным господам России вовсе не нужно, и Лермонтову приказано «убраться к дикарям и хищникам» на Кавказ. И тогда, еще на что-то надеясь, он напишет:

Прощай, немытая Россия,
Страна рабов, страна господ,
И вы, мундиры голубые,
И ты, им преданный народ

Быть может, за стеной Кавказа
Сокроюсь от твоих пашей,
От их всевидящего глаза,
От их всеслышащих ушей.

Это стихотворение увидит свет лишь много лет спустя после гибели Лермонтова, а через век некоторые критики станут утверждать, что Лермонтов так не мог сказать про любимую родину, в которой «все обновляется»…

А по пути на Кавказ Лермонтов посещает Москву и первое его письмо бабушке Е.А. Арсеньевой: «Жду с нетерпением письма от вас с каким-нибудь известием; я в Москве пробуду несколько дней» [23, с. 458].

А какого известия от бабушки Лермонтов ожидает с нетерпением?

Дело в том, что не только сам Лермонтов, но и многие его родственники и знакомые понимали, что его судьба предрешена, и об этом, конечно, еще того не ведая, пишет в своем дневнике известный русский философ, славянофил, издатель Ю.Ф. Самарин: «Мы долго разговаривали, он показывал мне свои рисунки. Воспоминания Кавказа его оживили. Помню его поэтический рассказ о деле с горцами… Его голос дрожал, он готов был прослезится. Потом ему стало стыдно, и он, думая уничтожить первое впечатление, пустился толковать, почему он был растроган, сваливая все на нервы, расстроенные летним жаром. В этом разговоре он был виден весь. Его мнение о современном состоянии России:

«Хуже всего не то, что известное количество людей терпеливо страдает, а то, что огромное количество страдает, не сознавая этого» [12, с. 543].

Эта запись от 20 апреля 1841 года, а еще через три дня в дневнике того же Ю.Ф. Самарина появится следующая запись: «Вечером, часов 9, я занимался один в своей комнате. Совершенно неожиданно входит Лермонтов. Он принес свои новые стихи для «Москвитянина» – «Спор»… Он говорил мне о своей будущности, о своих литературных проектах» [12, с. 549].

«Спор» – один из шедевров Лермонтова, где в аллегорической форме автор как бы устраивает диспут между двумя кавказскими вершинами Шат-горой (Эльбрус) и Казбеком.

На момент написания данного стихотворения территория вокруг Эльбруса практически покорена – русские курорты, крепости и города строятся и расцветают. А вот восточный Кавказ, где высится Казбек, еще сопротивляется. И если до «Спора» Лермонтов всегда восхищался Казбеком:

Под ним Казбек, как грань алмаза,
Снегами вечными сиял… («Демон»)

Или:

…и Казбек
Сверкал главой остроконечной («Валерик»)

То в «Споре»:

И томим зловещей думой,
Полный чёрных снов,
Стал считать Казбек угрюмый –
И не счёл врагов.
Грустным взором он окинул
Племя гор своих,
Шапку на брови надвинул –
И навек затих.

По сути – это военно-политическое предсказание и неизбежно-удручающееся состояние горских племен восточного Кавказа, а именно Чечни, мол, сопротивление просто бесполезно – лучше «навек затих».

В то же время обратим внимание на то, в какой спешке, в последний момент, ночью Лермонтов приносит свои стихи «Спор» для журнала «Москвитянин», который строго отстаивал идею русской государственности.

Мы не можем строго утверждать, однако, можем предположить, что с публикацией «Спора», где восхваляется всемирная миссия России, Лермонтов как бы хотел себя реабилитировать перед властями и цензорами.

Эти потуги поэта были уже бесполезны, ибо за ним был постоянный и строгий контроль, и все отмечали, что Лермонтов после ссылки на Кавказ изменился во всех отношениях и он сам же в этом признается: «Люблю отчизну я, но странною любовью».

У русского офицера, тем более поэта, который пользуется все возрастающей популярностью и влиянием в свете, не может быть «странная любовь», которая означает чувства, которые не вписываются в общепринятые рамки монархического строя. И недаром он говорил, что «там на Востоке тайник богатых откровений». И поэтому, в фундаментальном исследовании «Тайна Лермонтова» игумен Нестор (Кумыш) делает следующее заключение: «Чеченцы в поэтическом мире Лермонтова – блаженные дети природы, далекие от пороков цивилизованного мира, от того светского общества, к которому принадлежит сам автор. Чистые, разреженные высоты Кавказа, куда не проникает атмосфера страстей человеческого общества, является естественной средой обитания. С окружающей природой они находятся в гармоничном единстве и составляют с ней неразрывное целое. Оставляя в стороне объективную сложность кавказского мира, поэт создает портрет горцев из тех черт, которые отвечают его поэтической мечте. Чеченцы в изображении поэта полны жизненных сил, свободолюбивы, смелы, решительны, независимы, горды, свободны от духа стяжания, полны дружелюбия, не знакомы с эгоизмом и отчужденностью, открыты друг для друга. Самая главная их черта, которой они выгодно отличаются от тех, с кем им приходится воевать, – неповрежденная страстями энергичность души, утраченная цивилизованным человеком… В горцах поэт находит те черты, которых ему не хватает как в тесном кругу своих современников, так и в самом себе. Кавказцы и их мир символизируют собой первозданное состояние души человека, незнакомого с рефлексией и безверием, не отравленного мрачным сомнением, не замутненного действием страстей пороков, не страдающим рецидивом безволия и бездействия» [17, с. 29].

Понятно, что граф Клейнмихель вызвал Лермонтова по приказу императора. Их встреча, точнее допрос, длился около часа. Очевидно, что у Клейнмихеля на поэта уже было собранное досье, к тому же, и искушенный в дворцовых интригах граф тоже смог заметить резкое «взросление» популярного поэта после ссылки на Кавказ, после сражения на Валерике.

После встречи с графом Клейнмихелем Лермонтов понял, что тучи сгущаются над его головой. Он помнил, что как только Пушкин, гениальный русский поэт, не стал усердно исполнять придворные поручения, на его пути появился некий Жорж Шарль Дантес, этот бездельник француз, который после дуэли был разжалован, даже выслан во Францию, где он вскоре купил замок, стал сенатором, прожил до 83 лет, не выражая раскаяния, что убил великого поэта.

Также Лермонтов не мог не знать о судьбе еще одного великого русского писателя-декабриста Бестужева-Марлинского, который тоже чувствовал, что над ним сгущаются тучи. В 1837 году на черноморском побережье, в районе Анапы, при очень загадочных обстоятельствах он исчезает: тело писателя так и не нашли. И Лермонтов, который весной

1841 года вновь вынужденно едет на Кавказ, понимает, что вокруг него разворачиваются не простые события. И это понимает не только он. Поэтому все его родственники и знакомые хлопочут об его отставке – от родной бабушки, личного учителя царских детей поэта Жуковского, до критика Белинского. И последний в письме В.П. Боткину пишет: «Ведь решительно идет в гору, если пуля дикого черкеса не остановит его пути» [12, с. 528].

Вот понятие человека-критика, который объективен и беспристрастен, ибо Россия борется за светлое будущее Кавказа и «диких горцев», и поэтому, такой выдающийся человек как Лермонтов, должен быть в первых рядах в борьбе цивилизаций. Вот почему не только известнейший литературный критик эпохи, но даже сам император России в своих письмах интересуется судьбой поэта. Так, тот же генерал П.А. Клейнмихель сообщил командиру Отдельного Кавказского корпуса генералу Головину о том, что Николай I, «заметив, что поручик Лермонтов при своем полку не находился, повелеть соизволил…, дабы поручик Лермонтов непременно состоял налицо во фронте и чтобы начальство отнюдь не осмеливалось ни под каким предлогом удалять его от фронтовой службы в своем полку» [37, Л. 12-12 об.].

Все-таки, очень интересно, на Кавказе армия в количестве 80 тысяч военных, однако, именно судьба поручика Лермонтова волнует императора огромной державы, и беспокоится, чтобы он «дабы непременно состоял налицо во фронте…» И тогда пуля «дикого горца» его остановит, ну, или как Бестужева-Марлинского, тело не обнаружат, может похоронят в общей братской могиле или вовсе кинут тело поэта в его любимую речку Валерик.

Лермонтов, очевидно, все это лучше всех понимал. Когда он доехал до Пятигорска, оказалось, что он очень болен. Гарнизонный врач выписал ему справку о болезни и назначил курс очень продолжительного лечения.

И тогда появился отставной майор Мартынов, кстати, тоже практикующийся в поэзии, и последний вызвал Лермонтова на дуэль. И поводом для этого послужила фраза: «Горец с большим кинжалом».

Дело в том, что Мартынов, хотя и вышел в отставку, но не хотел покидать Кавказ, праздно жил в Пятигорске. При этом всегда гордился своими подвигами против горцев, но подражая им же, всегда носил черкеску и большой кинжал, как он часто подчеркивал перед дамами, добытый им в бою военный трофей.

Как утверждают свидетели-секунданты, Лермонтов во время дуэли был спокоен и, как и в случае с де Барантом, поэт выстрелил в воздух.

Может быть, он в тот момент был под впечатлением буквально накануне написанного замечательного стихотворения:

Выхожу один я на дорогу
Сквозь туман кремнистый путь блестит
Ночь тиха. Пустыня внемлет Богу,
И звезда с звездою говорит...

Какое предчувствие! Какое одиночество!

Каким тяжелым, но блестящим был жизненный путь. И кругом беспробудная ночь – никто не просит, чтобы отворили им темницу. Никто не верит в Бога, никто искренне не просит Бога ни о чем – вера пустыня. Но он звезда и он хочет, он будет «со звездою говорить…».

Это стихотворение Лермонтов прочитал на вечере в доме Верзилиных 13 июня 1841 года и там же произошло столкновение с Мартыновым.

Все были уверены, что, если дуэль даже и состоится, что вслед за Лермонтовым Мартынов поступит благородно, тоже выстрелит в воздух. Но дело в том, что Мартынов завидовал поэзии Лермонтова, он всячески подражал ему, он учился у Лермонтова, а у последнего, всеми русскими критиками и родственниками признанное чудо – «Кавказская колыбельная песня»…

За дуэль с де Барантом, когда последний промахнулся, а Лермонтов выстрелил в воздух, поэта разжаловали, перевели в пехотный полк и отправили воевать на Кавказ. А вот Мартынова, который почти в упор расстрелял поэта, император приговорил к трехмесячному аресту на гауптвахте и церковному покаянию (в течении двух лет отбывал епитимию в Киеве), а потом уехал, что могло быть только по воле царя, надолго в Европу, где жил припеваючи, ибо император, когда узнал, что Мартынов убил Лермонтова, вроде бы, выдал знаменитую фразу: «Собаке – собачья смерть!».

Подо всем этим доля истины есть, ибо поэта к краю пропасти подталкивали, и он особо не противился – знал свою судьбу, а иначе быть не могло, ибо Лермонтов – великий поэт России, потому что был гораздо смелее, откровеннее и честнее всех, и он показал, каким должен быть настоящий русский поэт, гражданин, личность. Он и его творчество на века опережало время. А та Россия его еще не могла понять, принять и воспевать за его мыслью. Никогда «пуля дикого черкеса» не остановила бы его пути. Зато Мартынов, либо иной невежда, раб, в надежде «славы, купленной кровью» стал бы на демонически-возвышенном пути творца, ибо это общество не достойно было иметь такого светила. И хотя Лермонтов прожил мало, да сотворил великое, главное – озарил своим гением литературный путь России, по которому смело, твердой поступью вошли в историю человечества Толстой, Достоевский, Тургенев, Чехов, Бунин, Куприн, навечно заняв достойно место в библиотеке классики мировой литературы [13, с. 309].

Лермонтов прожил всего 27 лет. Безусловно, что с его уходом и русская, и мировая литература, в целом, понесли большой урон. Однако, историю не переписать, а Лермонтов, как великий художник, оставил свой взгляд на события, происходившие в его время и, конечно же, сражение при реке Валерик и другие боестолкновения в Чечне оказали на него значительное влияние, и поэтому у него возник этот вопрос: «Зачем? Зачем постоянно и все время надо воевать?».

По этому поводу можно привести взгляд на Россию того периода английского философа Г.Т. Бокля, который писал: «…В России всякие способности оцениваются по применению их к военному делу. Войска считаются главным источником славы нации; выиграть сражение, обмануть хитростью неприятеля считается одним из величайших подвигов человеческой жизни, и все лица не военные, каковы бы ни были их достоинства, не уважаются в этом народе, как люди несравненно низшего свойства» [4, с. 108].

Тем не менее, а, может быть, даже именно поэтому, Лермонтов более не хочет быть военным, не хочет более воевать, он хочет выйти в отставку и посвятить себя целиком литературе, но в России не только царь, но и матери с колыбели внушают сыновьям походы в чужие края и даже заранее «седла шелком обшивают».

Об этом знал, об этом слышал и об этом сказал сам Лермонтов в своей «Казачьей колыбельной песне», которая была написана в 1838 году. Однако, как пишет У.Б. Далгат, после того как Лермонтов «наблюдает их (чеченцев) геройскую смерть, но они умирают после победы и ради победы, и такое по горским обычаям не оплакивается… Не случайно поэтому этот героизм был воспет гением художника» [10].

Именно об этом, о том, что горцы-чеченцы умирают, но «они умирают после победы» – об этом написана Лермонтовым и Гагариным акварель «Эпизод из сражения при Валерике». И безусловен тот факт, что симпатия художников на стороне горцев-чеченцев. Более того, эти художники восторгаются действиями горцев, их храбростью и стойкостью. Как мы ранее отмечали, эта акварель поступила в Русский музей, то есть стала общедоступна и известна лишь в самом конце XIX века. Тогда она и попала в поле зрения философа В.С. Соловьева, который в 1901 году в журнале «Вестник Европы» опубликовал статью о великом поэте, где он пишет: «Муза Лермонтова – словно лягушка, погрузившаяся и прочно засевшая в тине» [40, с. 286].

Где болота и кто прочно в них засел – Соловьев знает прекрасно. Однако и он, следуя установкам императора, тоже заботился о нравственности Лермонтова: «А мы знаем, что как высока была степень прирожденной гениальности Лермонтова, также низка была его степень нравственного усовершенствования. Лермонтов ушел с бременем неисполненного долга – развить этот задаток великолепный и божественный, который он получил даром. Он был призван сообщить нам, своим потомкам, могучее движение вперед и вверх к истинному сверхчеловечеству, – но этого мы от него не получили» [40, с. 290-291].

Кажется, теперь понятно, почему Соловьева так часто цитируют.

Лермонтов, безусловно, гений, он знал, что есть и еще будут такие «соловьевы», и по этому поводу дал четкий ответ:

Кто близ небес, тот не сражен земным.

А что касается тезиса, что «он был призван сообщить нам, своим потомкам, могучее движение вперед и вверх…», так Лермонтов об этом так и писал:

...Много было взору моему
Доступно и понятно потому,
Что узами земными я не связан
И вечностью и знанием наказан.

Да, этими «узами земными» он не связан, и поэтому он так и говорил:

Я ищу свободы и покоя!

С детских лет Лермонтов не раз бывал на Кавказе, и, поэтому, свою первую поэму о Кавказе «Измаил-Бей» он так и начнет:

Приветствую тебя, Кавказ седой!
Твоим горам я путник не чужой:
Они меня в младенчестве носили
И к небесам пустыни приучили.
И долго мне мечталось с этих пор
Все небо юга да утесы гор.

Поэма «Измаил-Бей» не окончена. Она была обнаружена в рукописях поэта и издана в 1843 году после его смерти. Считается, что эта поэма написана в 1832 году, когда поэту исполнилось 18 лет, и, что характерно, в этой поэме есть как бы отдельное стихотворение, это начало второй части, которое посвящено реке Аргун, а точнее не реке, а ее характеру, и это, конечно же, литературный образ, это метафора, и как сказал Д.С. Мережковский: «Мы до того привыкли к ним (к стихам Лермонтова), что уже не понимаем. Слова действуют помимо смысла» [26].

Однако, мы постараемся понять смысл лермонтовского послания и при этом сразу же отметим, что зачастую писатель даже не ведает, что он творит – это ведь божественный дар. Но в случае с Лермонтовым этот постулат не приемлем, ибо Лермонтов, как определили многие исследователи – гений, сверхчеловек и вот его вердикт.

Данный анализ начнем с того, что Аргун – это большая горная река – одна из главных водных артерий всей территории Чеченской Республики.

Был ли Лермонтов знаком с нравом Аргуна до второй ссылки на Кавказ, доподлинно не известно. Но во время второй ссылки, в 1840 году, он точно и не раз встречал Аргун во время военных экспедиций. И вот его гениально-поэтический взгляд:

Шумит Аргуна мутною волной,
Она коры не знает ледяной,
Цепей зимы и хлада не боится;
Серебряной покрыта пеленой.

В поэме «Измаил-Бей» Лермонтов трижды упоминает название реки Аргун, но иным образом («Аргуна» или «Аргуну») и на этом основании некоторые авторы утверждают, что поэт имел ввиду совсем иную реку, а не ту, которая щедро орошает чеченские земли.

На это замечание есть вполне аргументированные доводы. Во-первых, на Кавказе нет более реки с названием Аргун или Аргуна, а, во-вторых, гениальный поэт просто применяет удобный для рифмы поэтический прием. Если Аргун – мужского рода, то речь

идет о реке – женского рода и он с первой же строки переносит акцент с «Аргуна» на «волну» – тоже, как и река, женского рода, и поэтому далее все плавно ложится в поэтическую мелодию рифмы.

И если мы вновь возвращаемся к смыслу этого стихотворения, то сразу же необходимо отметить, что Лермонтов в 22 строках этого отдельного отрывка из поэмы создал полноценное литературное произведение, где есть вводная часть-вступление, затем, как положено, действие, конфликт, кульминация и закономерный итог, он же вывод и предсказание или предвидение.

«Коры не знает ледяной» – ничто не сковывает мысль и «цепей зимы и хлада не боится», – свобода, независимость, смелость… и далее по тексту:

Она сама между снегов родится.

В этом предложении сложился такой порядок слов, который подчеркивает, что кто-то, по незнанию, недооценивает с кем имеет дело, кто или что встретилось на жизненном пути, а ведь это все (река, общество, история) имеет чистейший, превосходный, белый корень, исток, происхождение.

Это – кавкасионский (европеоидный) тип человеческой расы, что подчеркивает сам Лермонтов.

И далее:

И там, где даже серна не промчится,
Дитя природы, с детской простотой,
Она, резвясь, играет и катится!

«Дитя природы» – это все, что естественно, гармонично, свободно. Поэтому все в игре, в простоте и в детской наивности и непосредственности…Но…

Порою, как согнутое стекло,
Меж длинных трав прозрачно и светло
По гладким камням в бездну ниспадая,
Теряется во мраке, и над ней
С прощальным воркованьем вьется стая
Пугливых, сизых, вольных голубей…

«Порою» – если вспомнить, что Лермонтов, в метафоричной форме описывает реку Аргун, но имеет ввиду проживающее здесь чеченское общество, то даже не порою, а очень часто пытаются его «согнуть», наклонить, истребить, посадить, выселить….

И это, конечно же, и бездна, и мрак, и «с прощанием» будут ворковать.

После предыдущих строк Лермонтов ставит многозначное многоточие далее по тексту, впрочем, как и в жизни:

Зеленым можжевельником покрыты,
Над мрачной бездной гробовые плиты
Висят и ждут, когда умолкнет вой,
Чтобы упасть и все покрыть собой.

Гениальное знание истории и даже перспективы. Как будто Лермонтов знал, что случилось после походов потомков Чингисхана на Кавказ, после похода хромого Тимура, знал, что будет после Кавказской войны и даже предвидел сталинский геноцид… Однако:

Напрасно ждут они! волна не дремлет.
Пусть темнота кругом ее объемлет,
Прорвет Аргуна землю где-нибудь
И снова полетит в далекий путь!

После этого прогноза так и хочется воскликнуть «Аминь!» и самим подтвердить, что Лермонтов был сверхчеловеком и гением!

Однако вокруг него такой мир, который не нуждается в этом свободолюбивом гении. «Сияние дня» доступно не для всех, а только для «избранных». И таким должен быть весь окружающий мир. И почти все признали «надменное рабство». Да вот только чеченцы – это «хищники» и «дикари». И эти чеченцы, их нрав, их непокорность…

Почему великие русские классики Пушкин, Лермонтов, Толстой, если писали о Кавказе, то писали в основном о чеченцах?

Потому, что они (чеченцы) боролись!

Без борьбы нет будущего, не было бы Кавказа. И это четко заметил Лермонтов и об этом его акварель «Эпизод из сражения при Валерике», к основному смыслу которой мы возвращаемся вновь.

В самом центре этой композиции фигура чеченца с выставленной навстречу неприятелю рукой. Именно в изображении этой фигуры заложен смысл картины Лермонтова и Гагарина. И почему-то никто из лермонтоведов не удосужился уделить какое-либо внимание фигуре, жесту горца-чеченца, находящегося в самом центре акварели, а это и есть, и в этом должен быть весь смысл и фокус внимания данной композиции.

Что же этим отчаянным жестом горца хотели показать Лермонтов и Гагарин? Что в этом жесте?

В данный момент, раз мы уже упоминали в этой статье работу французского художника Эжена Делакруа, можем обратить внимание на другую его эпическую работу «Взятие Константинополя крестоносцами» – где-то очень схожий сюжет и там есть этот жест, один простоволосый старец выставил вперед руку, явно вымаливая пощаду.

Как мы ранее отмечали, эту картину Гагарин вполне мог видеть в Европе. Однако, и это четко отображено, в жесте горца-чеченца нет никакой просьбы или мольбы, наоборот, есть вызов, предупреждение и даже угроза. А, может быть, этим жестом горец хотел оградить от атаки тех собратьев, что за ним, которые выносят поверженного с поля боя?

В это совсем не верится и предпосылок к этому никаких нет, ибо как описывает эту акварель тот же Пахомов Н.П.: «Фигуры горцев даны в разнообразных положениях и полны экспрессии, наоборот – русские войска показаны общей массой, олицетворяющих силу» [29, с. 120-121].

И понятно, что это – масса, это – сила, однако «олицетворение», где в корне слова человеческое лицо – не логично. По нашему мнению, это просто беспощадная стихия, которая никаких жестов и молений о пощаде не понимает. Не для этого эта масса и эта сила пришла к реке Валерик.

Тогда вновь мы ставим этот вопрос: «В чем смысл центральной фигуры на акварели Лермонтова и Гагарина (Рис. 8)? Что означает этот показательный жест рукой?».

По белому головному убору этого горца-чеченца можно было бы предположить, что это религиозный деятель. Однако, как изображено в правом нижнем углу, еще у двух горцев почти такие же головные уборы. К тому же, религиозный деятель не должен иметь оружие, а этот вооружен: за поясом кинжал, в левой опущенной руке – сабля, грудь полная газырей и даже они, кажется, не использованы.

При этом художники четко прописали профиль этого чеченца в самом центре полотна – он явно что-то, с вызовом, кричит и выставил навстречу противнику руку. И здесь надо отметить, что в целом эта рука непропорционально длинна, чем должна быть и эта демонстрационная кисть, специально, как бы для наглядности увеличена, и в ней, в этой кисти, весь смысл этой картины, и она, если мы видим профиль горца, тоже должна быть изображена по физиологии человека, лишь сбоку. Однако Лермонтов и Гагарин, во имя некой цели, нарушая природу, обозначают на картине как знак, как некий символ – тыльную сторону неестественно большой развернутой кисти руки.

Эта рука, как граница, между совершенно разными мирами. С одной стороны, это русская армия, которая «показана общей массой, олицетворяющей силу». Это масса солдат, которые призваны служить двадцать пять лет и как определил это состояние Лев Толстой в повести «Хаджи-Мурат»: «Солдатство было, как смерть» [41]. Каждый день, как последний. Поэтому они беспощадны в бою, и можно вновь вспомнить письмо Бестужева-Марлинского: «Но я опускаю завесу... – это необходимое следствие войны».

А что можно обнаружить по другую сторону этого «занавеса»? Тот же Бестужев-Марлинский нам об этом расскажет: «Посмотрите на этого старика… Он в опасности жизни ищет стопы земли на голом утесе, чтобы посеять на ней горсть пшеницы. С кровавым потом он жнет ее и часто кровью своей платит за охрану стада от людей и зверей. Бедна его родина, но спроси, за что любит он эту родину…. Он скажет: здесь я делаю, что хочу, здесь я никому не кланяюсь, эти снега, эти гольцы берегут мою волю» [3, с. 43].

Воля, свобода, независимость – вот что отстаивали горцы-чеченцы в 1840 году на реке Валерик, когда туда в составе царских войск явился поэт и поручик Лермонтов. Он с раннего детства бывал на Кавказе, и он даже не по рассказам взрослых знал чеченцев, часами мог общаться с Захаровым-Чеченцем, когда последний писал его портрет и после

этого появится поэма «Мцыри», где у главного героя – горца Кавказа – одна, но пламенная страсть – это быть вольным человеком. И чеченцы в тот период были обществом вольных людей. Потому, что у чеченцев не было князей и рабов. Разные народы Кавказа по-разному вошли в состав Российской империи и только Чечня еще отчаянно сопротивлялась, ибо при всех минусах и плюсах вхождения малого народа в состав Российской империи, вместе с этим надо было принять и российское право, а это уникальное в человеческой цивилизации – крепостное право!

А Чечня и Кавказ, как определил тот же Бестужев-Марлинский, – последний уголок рыцарства на земле. Это цитата русского писателя и офицера, конечно же, в некой степени литературная метафора, но есть и другие источники, которые очень многое проясняют.

К примеру, военный писатель, генерал Ольшевский М.Я. (1816-1895) в своих «Записках о Кавказе» писал: «Чеченцев, как своих врагов, мы старались всеми мерами унижать и даже их достоинства обращать в недостатки. Мы их считали народом до крайности непостоянным, легковерным, коварным и вероломным потому, что они не хотели исполнять наших требований, не сообразных с их понятиями, нравами, обычаями и образом жизни. Мы их так порочили потому только, что они не хотели плясать по нашей дудке, звуки которой были для них слишком жестки и оглушительны» [11, с. 92]. … Можно подумать, что последний абзац написан не двести лет назад, а современным российским генерал-поэтом.

Впрочем, и двести лет назад те же русские военные писатели и поэты писали о чеченцах по-разному и всегда выделяли чеченский этнос по стереотипу поведения от остальных народов Кавказа. Вот, например, что засвидетельствовал участник Кавказской войны, много лет воевавший в Чечне, писатель и поэт К.П. Белевич (1825-1890): «У чеченцев нет привилегированных сословий: нет князей и беков, как у кабардинцев, кумыков и дагестанских народцев: зато каждый чеченец говорит: «я уздень». Но это не мешает им ходить за сохой или возить дрова на базар… В этом отношении чеченские уздени нисколько не подражают неразумному обычаю кабардинских и осетинских алдар, которые, когда прижмет нужда, скорее отправятся на воровство, но ни за что не замарают на черной работе своих привилегированных рук… Чеченцы вообще трудолюбивы и одарены практическим смыслом… К характеристическим чертам этого храброго народа следует отнести: гостеприимство, замечательную чистоту и опрятность в жилищах и солидную, без чванства, гордость» [1, с. 187-189].

Упоминание Белевича К.П. в контексте данного исследования не случайно. В своих стихах Белевич пытался подражать романтизму поэзии Лермонтова, и он первым занялся изучением судьбы Лермонтова, даже неким образом, по роду военной службы, ходил по тем же ратным местам, где ранее до него бывал великий поэт.

Так, в мае 1847 года, на том же месте у реки Валерик вновь произошло большое сражение между чеченцами и русской армией, в рядах которой был и офицер Белевич, после чего он написал стихотворение «На Валерике».

В начале данного исследования мы ознакомились с дневником генерала Галафеева о сражении на реке Валерик в июле 1840 года. После этого мы проанализировали ту информацию, что по тому же сражению дал его участник великий поэт Лермонтов и результат для местных горцев-чеченцев – это, казалось бы, безоговорочное поражение под «гнетом массы, олицетворяющих силу».

Однако, вдруг выясняется, что на этом сопротивление горцев-чеченцев не сломлено и, тем более, не уничтожено. Через каких-то семь лет вновь сражение на том же месте, на той же реке Валерик, в той же Чечне. И раз мы обратились к началу этого исследования, то надо вспомнить еще одно свидетельство русского генерала Потто – это песня горца-чеченца:

Меня убьют, я это знаю,
Ермолову преграды нет.
Но я никак своим врагам
Без боя саклю не отдам.

Если этот текст, в смысловом жанре, перевести на язык оригинала, то идея реального существования заключается в том, что «если мы (чеченцы) перестанем бороться – мы исчезнем»…

Исчезнет Кавказ!

Именно это увидел и четко понял гениальный художник – поэт М.Ю. Лермонтов, и это он изобразил на известной акварели «Эпизод из сражения при Валерике», где в самом центре характерный, непреклонный жест чеченца, что никакая сила и никакая масса не сломит горцев, на колени никто не падет, и крепостного права, князей и рабов здесь на Валерике, в Чечне не будет!

Вот что написал и кистью, и пером классик русской литературы Лермонтов, побывав в Чечне, не раз столкнувшись с чеченцами на поле брани.

А эта кисть – граница между совершенно разными мирами, это водораздел, четко обозначенный историей, географией, природой культуры и социальных отношений. Эта кисть – как священное божество границ, как межа между светом и тьмой, как области несопоставимых времен, иного пространства, разновеликих эпох, и, конечно, это время и это пространство священно, неприкосновенно – это и есть вечность, это свобода, которые надо защищать, не считаясь с жизнью.

Это гений Лермонтова увидел во время сражения при реке Валерик. Об этом он поведал Гагарину и это они отобразили на акварели «Эпизод из сражения при Валерике», где Лермонтов и Гагарин, может быть, даже невольно, поместили себя как бы среди горцев-чеченцев: они на стороне или со стороны горцев-чеченцев. И не надо думать, что они изменили родине. Просто они, особенно Лермонтов –изменился сам, и он хотел, чтобы изменилась и его родина. Однако, «он один выходит на дорогу…». Его мысли поймут, его убьют.

А князь Гагарин всю свою долгую жизнь будет скрывать эту акварель «Эпизод из сражения при Валерике», но сохранит. Сохранит для нас, для потомков-россиян, ибо как показало и время, и пространство – преодолеть, открытую всему доброму миру, большую гостеприимную, да твердую кисть чеченца – силой и массой – невозможно!

…Кстати, почти что век спустя после написания Лермонтовым акварели «Эпизод из сражения при Валерике», уже другой классик русской литературы, будущий лауреат Нобелевской премии А.И. Солженицын, в знаменитом труде «Архипелаг ГУЛАГ» особо

отметит: «Но была одна нация, которая не поддалась психологии покорности – не одиночки, не бунтари, а вся нация целиком. Это – чечены» [39].

ЛИТЕРАТУРА

1. Белевич К.П. Несколько картин из Кавказской войны и нравов горцев. –СПБ, 1891. – 200 с.

2. Беляев А.П. Воспоминания декабриста о пережитом и передуманном. – Красноярск, 1990. – 379 с.

3. Бестужев-Марлинский А.А. Сочинение. В 2 т. – М., 1981. – Т.1. – 491 с.

4. Бокль Т.Г. История цивилизаций, в 2-х томах. – М.: Мысль, 2002. – 509 с.

5. Висковатов П.А. Лермонтов на Кавказе в 1840 году // Русская старина (историческое издание). –Т. 41, № 1. – 1884. – С. 83-92.

6. Висковатов П.А. Михаил Юрьевич Лермонтов. Жизнь и творчество – М.: Издательство «Книга», 1989. – 454 с.

7. Воспоминания Григория Ивановича Филипсона. –Москва. Университетская типография Каткова на Страстном бульваре, 1885.

8. Гладыш И.А., Динесман Т.Г. Архив А.М. Верещагиной // Отдел рукописей РГБ. Выпуск 26. – М., 1963. – С. 34-62.

9. Государственный архив Краснодарского края. Ф. 389. Оп. 1. Д. 39. Л. 50-51.

10. Далгат У.Б. Нартский эпос народов Кавказа. Избранные труды. – Грозный, 2015. – 639 с. с ил.

11. Записки М.Я. Ольшевского. Кавказ с 1841 по 1866 г. // Журнал «Русская старина», № 7, СПб, 1893.

12. Захаров В.А. Летопись жизни и творчества М.Ю. Лермонтова. – М.: «Русская панорама», 2003. – 704 с.

13. Ибрагимов К.Х. Академик Петр Захаров. Издание 4-е – расширенное, дополненное, исправленное. – М.: Литера. 2019. – 592 с.

14. Ибрагимов К.Х. Сказка Востока (исторический роман). – М.: Издательство «Лада», 2007. – 634 с.

15. Ибрагимов К.Х. Учитель истории. – М.: Олма-пресс, 2003. – 542 с.

16. Иванова Т.А. Лермонтов на Кавказе (Эссе) – М.: «Детская литература», 1975. – 215 с. с ил.

17. Игумен Нестор (Кумыш). Тайна Лермонтова. – СПБ.: Библиополис, 2012. – 544 с.

18. Институт русской литературы Российской академии наук (Пушкинский дом). Ф. 604. №5580Л. 103-104. Письмо Н.А. и М.А. Бестужевым. 20 августа 1830 г.

19. Карачайлы И.А.-К. «Лермонтов и горцы». Сборник «Лермонтову – Пятигорье». – Пятигорск, 1923 г. – С. 33-36.

20. Кочнева Е.В. Он не красив, он не высок… // Наше наследие. – 2014. – № 111. – С. 88-99.

21. Лермонтов М.Ю. Заметки. Планы. Сюжеты. Письма. Серия «Академия фундаментальных исследований: история». – М.: Ленанд, 2017. – 104 с.

22. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. – М.: Изд-во «Наука», 1979-1981. – Т.2: Поэмы. – 574 с.

23. Лермонтов М.Ю. Собрание сочинений в 4-х томах. Изд-во «Наука», 1979-1981. – Т.4: Проза. Письма. – 592 с.

24. Литература: 6-7 класс: методическое пособие для учителя // М.И. Шутан. – Москва: Просвещение, 2023. – 187 с.

25. М.Ю. Лермонтов в воспоминаниях современников. – Пенза: Кн. изд-во, 1960. – 374 с, 8 л. ил.

26. Мережковский Д.С. М.Ю. Лермонтов. Поэт сверхчеловечества // М.Ю. Лермонтов: pro et contra / – СПб.: РХГИ, 2002. (Русский путь). – С. 348-386.

27. Мунаев И.Б. Мотив чудесного рождения в чеченском позднем эпосе илли // Материалы международной конференции в Московском доме национальностей. – Нальчик: КБНЦ РАН. – 2004.

28. Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 23. Д. 23. Ед. хр. 20

29. Пахомов Н. Живописное наследство Лермонтова // АН СССР. Институт русской литературы (Пушкин. дом). – М.: Изд-во АН СССР, 1948. – Кн. 2. – С. 56-57.

30. Потто В.А. Кавказская война. – СПб.: 1885. –Т.2. – Вып. 1. –188 с.

31. Пушкин А.С. Путешествие в Арзрум. – М.: Издательство «Rugram», 2006. – 182 с.

32. Российский Государственный архив древних актов (РГАДА) Ф. 1406. Оп. 1. Д. 182. Л. 1. Подпись-автограф.

33. Российский Государственный архив древних актов (РГАДА) Ф. 1406. Оп. 1. Д. 148. Л. 1.

34. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф.13454. Оп. 6. Д. 258. ЛЛ. 42-46 об.

35. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф.395. Оп. 147. Д. 11. ЛЛ. 25-27 об.

36. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф.395. Оп. 147-455. Д. 223. Л. 12-12 об.

37. Российский Государственный военно-исторический архив (РГВИА) Ф.846. Оп. 16. Д. 6306. Л. 92-94.

38. Семенов Л.П. К пребыванию М.Ю. Лермонтова на Кавказе в 1840 г. (По архивным материалам). Известия Северо-Кавказского Педагогического института. – Владикавказ, 1924. – Том 2. – С. 39-58.

39. Солженицын А.И. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. Т. 3. Части 5, 6 и 7 / А. И. Солженицын. — Москва: Просвещение, 2010. – 560 с.

40. Соловьев В.С. Литературная критика. –М.: «Современник», 1990. – 422 с.

41. Толстой Л.Н. Хаджи-Мурат. – Ленинград: Детская литература, 1987. – 160 с.

42. Aus den hochregionen des Kaukasus: wanderungen, erlebnisse, beobachtungen. / Gotttfried Merzbacher. – Leipzig. 1901. – P. 113.